

Владимир
Черняев

ПАРКОВИ

Владимир Черняев

Прокси

«Автор»

2026

Черняев В.

Прокси / В. Черняев — «Автор», 2026

«Поздравляю, вы умерли. Хотите продолжить?» Технология прокси сделала возможным цифровое бессмертие. Теперь смерть — не конец, а Выбор, религия и услуга. Семнадцатилетний Алекс живет в ожидании Цикла — трехдневного обряда, который должен превратить его в полноправного носителя прокси и подготовить к будущему бессмертию. Каждое утро Алексу является прокси умершей матери, но ее копия неполна: она забывает разговоры, путает прошлое и болезненно напоминает, что даже победа над смертью может сохранить не всего человека. Алекс уверен, что с ним все будет иначе. Но Цикл приводит его не к обещанному будущему, а к странной девушке в наушниках и человеку, который знает о Прокси гораздо больше, чем положено знать верующим. И чем больше Алекс узнает, тем страшнее становится вопрос: что именно должно пережить смерть, чтобы это все еще был ты?

© Черняев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Явление	5
Глава 2 Имена отца	11
Глава 3 Остановка	15
Глава 4 Откровение. Катехизис	20
Глава 5 Сверчки	22
Глава 6 Избранный	26
Глава 7 Откровение. Мир боли	29
Глава 8 Испытание веры	30
Глава 9 Копия	33
Глава 10 Призраки	39
Глава 11 Откровение. Выбор	43
Глава 12 Троица	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Прокси

Глава 1 Явление

— Пора просыпаться, — мягкий женский голос вывел Алекса из сна.

Он слегка приоткрыл глаза: мутный взгляд зашарил по сторонам в поисках источника голоса. Из полутьмы проступили стены, штора, шкаф и дверь — никого. Кроме него в комнате не было ни души. Или так казалось спроне. Попытка раскрыть глаза шире встретила решительное сопротивление. Им словно бы что-то мешало.

Свет, понял Алекс.

Он тупо уставился на свисающий с потолка светильник. Лившийся из него ровный белый поток давил на лицо, заставляя веки непроизвольно сжиматься. Свет будто говорил: закрой глаза и лежи смирно. В его давлении чувствовалось уверенное спокойствие, слишком уверенное для обычного света. Будто...

Его лицо озарилось пониманием. Свет сделал свое дело. Алекс перестал сопротивляться и закрыл глаза. Опустившиеся веки сделали мрак перед глазами почти непроницаемым. А значит — идеально подходящим для Явления.

— А Слово? — напомнил тот же женский голос, стоило тьме сгуститься.

— Знаю, знаю, — мысленно отозвался Алекс, но соглашаться не спешил. Вместо этого он медленно потянулся и, повернувшись к стенке, закопался лицом поглубже в подушку. По всему телу пробежала приятная просонная дрожь.

— Аль, ну, — прозвучало с легкой укоризной.

Алекс решил не испытывать терпение дольше и заученно прошептал нараспев:

— Да святится имя твое, да грядет царствие твое, да будет воля твоя на земле, как на небе. Аминь.

Для Явления было вовсе не обязательно произносить весь текст молитвы. «Аминь» было бы достаточно. Да что уж, прокси хватило бы и его желания. Но ему захотелось порадовать маму.

Ее явление не заставило себя ждать. В темноте проступил знакомый силуэт. Мама выглядела молодо, младше своих лет. Увидь их сейчас кто-нибудь рядом, вряд ли принял бы ее за его мать. Светлые, немного в рыжину, волосы, заостренные черты лица и неизменная улыбка — она была из тех удивительных людей, что улыбались по любому поводу, даже когда были раздражены. Например, как сейчас.

Похоже, молитва не помогла. Скорее наоборот — и неудивительно. Это была мама, которую он хорошо знал: способная увидеть намек на безразличие даже в подобной нерасторопности.

— Как твои дела? — предупреждая возможный упрек, произнес Алекс.

На мгновение по ее лицу пробежала тень — губы скривились в ухмылке, а глаза недобро сузились, — но за этим ничего не последовало. Уже в следующий миг она, как ни в чем не бывало, произнесла:

— Какие у меня могут быть дела? Ты лучше про себя расскажи.

Он был готов к этому вопросу. Более того, ждал его — разговор двигался в привычном русле. Алекс взял небольшую паузу и начал рассказ: про последние ривилы, домашние дела — мама внимательно слушала и кивала. Ему было немного стыдно за свою ложь, но она никак не могла его проверить, а говорить о реальных делах... Алекс невольно скривился.

— Что случилось? — без промедлений отреагировала она.

К счастью, у него был заготовлен ответ и на такой случай.

— Скоро Цикл, — поспешно произнес Алекс.

— Уже? — в ее голосе послышалось удивление. — Как? Ты же у меня еще совсем маленький!

— Мам-м, — Алекс протянул последнюю букву, будто хотел сказать что-то еще, но в последний момент передумал. Она отреагировала точно так же, как и в прошлый раз. Как и всегда, когда речь заходила о возрасте.

— Подожди... — на лбу молодой женщины появились морщинки. — Сколько тебе уже?

— Почти восемнадцать, — сухо ответил он. Это была одна из самых сложных частей разговора, но он был к ней готов.

— Сколько? — недоуменно переспросила она. — Ты ничего не путаешь?

Алекс молчал.

— Если тебе почти восемнадцать, то мне должно быть... — она сделала паузу и задумчиво посмотрела вбок, будто считала в уме. — Сорок пять! Разве твоя мама выглядит на сорок пять?

— Нет, конечно, ты отлично сох... — Алекс запнулся. — Выглядишь.

Черт, выругался он про себя. И тут же широко улыбнулся, пытаясь скрыть неловкость.

— Ну и шутки у тебя, конечно, сорок пять, — все еще с недовольством, но уже спокойнее, произнесла она.

Неужели пронесло? Алекс мысленно выдохнул.

— Как отец? — как ни в чем не бывало продолжила она.

Внутри что-то упало. Не пронесло. Последние несколько явлений ему удавалось успешно обходить эту тему. Видимо, не в этот раз. И надо же было ему так оговориться?

«Отлично сохранилась», — дурацкая фразочка отца.

— Нормально, — бросил он с наигранной беззаботностью.

— Снова поссорились? — участливо спросила мамина прокси.

Алекс ничего не ответил, лишь неопределенно дернул головой. Несмотря на все его попытки избежать, вопрос ударил в то же самое место.

— Хочешь я с ним поговорю? — она не отступала.

— Да какой смысл?! — взорвался Алекс. — Ты же все равно забудешь...

Глаза маминой прокси взволнованно расширились.

— Ой, ладно, — он постарался взять себя в руки. — Просто хотел сказать, что какое-то время мы не сможем видеться. Ты же знаешь, во время Цикла нельзя пользоваться прокси.

Мамина прокси лишь грустно кивнула.

— Прости, — добавила она после короткой паузы.

— Тебе не за что извиняться, ты ни в чем не виновата, — примирительно произнес Алекс. — Просто переживаю перед началом Цикла. Не сдержался.

— Понимаю, — ободряюще улыбнулась мамина прокси. — Ты у меня умный, ты со всем обязательно справишься. Помни, я и папа — мы оба тебя любим.

— Да, — отозвался Алекс. — Тоже тебя люблю. Пока.

— До встречи, — на лице прокси застыла грустная улыбка, пока ее силуэт медленно растворялся в темноте.

Алекс открыл глаза.

Разговор оставил после себя странное неприятное чувство. Каждый раз она задавала практически одни и те же вопросы — он мог бы уже давно к ним привыкнуть. Но привыкнуть не получалось. А может быть, промелькнула мысль, дело в том, что он слишком привык?

Алекс испытал внезапный приступ тошноты, а в правом виске запульсировало болью. Мигрень? В животе отрицательно заурчало — нет, просто голод.

Он резким движением поднялся и сел, опуская ноги с кровати. Деревянный пол тихонько скрипнул под тяжестью его ступней. Кончики пальцев уцепились за что-то мягкое — шорты. Отлично, подумал он, осталось найти футболку.

Алекс натянул шорты почти вслепую — глаза не поспевали за остальным телом. Он заморгал, пытаясь им в этом помочь — и сработало! Взгляд тут же заскользил по полу в поисках футболки, но уже скоро уперся в стены — ничего.

Он нехотя поднял глаза вверх. Стены представляли собой печальное зрелище. Паутина трещин на них плавно переходила в паутину реальную. И, хотя темнота это тщательно скрывала, Алекс знал, что в углу возле окна жил паук. Он устроил себе гнездо за шторой.

Взгляд просканировал ее сверху вниз. Плотная серо-синяя ткань была слишком длинной и оттого вечно лежала на полу неряшливыми складками. Из-за нее пробивался едва заметный свет — единственное напоминание об имеющемся в комнате окне. Алекс практически всегда держал штору закрытой.

Его взгляд невольно вернулся к потолку. Пыльный светильник смотрел на него сверху своей пустой глазницей. Теперь, когда все завершилось, было предельно ясно — без Явления в этой комнате свету взяться было попросту неоткуда.

Взгляд хотел скользнуть дальше — но дальше было некуда. Пошарпанный старый деревянный шкаф с его одеждой. Такая же дверь. И никакой футболки.

— Да куда же она подевалась? — уже собирался возмутиться Алекс, как вдруг его взгляд упал на постель. Смятая белая футболка лежала прямо перед ним на простыни.

«Attention is all you need», — гласила надпись на ней. Многозначно хмыкнув, он натянул футболку на себя и поплелся в сторону двери.

В коридоре его не ждало ничего нового. Интерьер отцовского дома не блистал разнообразием. Те же доски, трещины, насекомые — Алекс замедлил шаг, чтобы не наступить на спешившего по своим делам жучка. Все, что тут можно было обнаружить, описывалось одним словом — старье. Или, как предпочитал выражаться сам отец...

— Антиквариат, — Алекс произнес слово вслух. Даже звук его собственного голоса показался ему старым и потрескавшимся.

И та же чертова чистота и порядок — отец действительно заботился о доме. Его аж передернуло от отвращения. За все время с их переезда сюда Алекс ни разу не убрался в своей комнате. И отцу не позволял. Он не понимал, как можно было оберегать и ценить весь этот хлам и при этом ненавидеть...

Его мысли прервал очередной импульс головной боли. К счастью, дверь на кухню была прямо перед ним. Алекс легонько толкнул ее и вошел внутрь, сопровождаемый тихим скрипом.

Солнечные лучи сразу ударили ему в глаза. Он поморщился, прикрывая глаза рукой. В отличие от его комнаты и коридора здесь царствовал свет.

Ну почему нельзя было зашторить окна? — раздраженно подумал Алекс, пока его глаза привыкали к свету.

Кухня представляла собой небольшую комнатушку со столом, окруженным несколькими стульями, кухонным гарнитуром и черным прямоугольником TV на стене. Старинное устройство для просмотра видео было, наверное, самым новым предметом в доме. И, возможно, именно поэтому — самым любимым.

Приказав TV включиться, Алекс сразу направился к гарнитуру. Повинуясь пружине, дверь за спиной со скрипом захлопнулась. Он обогнул стол, лишь слегка скосив взгляд на стоящую на нем миску с супом — отец всегда оставлял ему еду, когда уходил по своим делам. Алекс проигнорировал призывное урчание в желудке. Не нужны ему подачки. Черная панель тем временем расцвела яркими красками.

Не дожидаясь окончания загрузки TV, Алекс включил электрический чайник. Из-под облупившейся краски на его пузатом теле проступал голый пластик. Вода внутри него уже начала издавать характерное шипение.

«...вступят в Церковь Прокси, получают...» — раздалось за спиной.

— Следующий, — не оборачиваясь, бросил Алекс и открыл дверцу навесного шкафа. На нижней полке аккуратными рядами располагалась чистая посуда. Он достал одну из стоящих там кружек и внимательно осмотрел — нет ли сколов.

Ни трещинки.

Одобрительно кивнув, Алекс поставил ее на столешницу перед собой. Это была его кружка. Единственная целая кружка в доме.

«...запустили самый большой дата-центр со времен Сиона...»

— Следующий, — произнес Алекс и потянулся на верхнюю полку открытого шкафа. Он извлек оттуда стеклянную банку с растворимым кофе. Надпись на ее этикетке практически стерлась — лишь две золотистые буквы J и C заиграли бликами на солнце.

«...анкер совершил нападение на двух носителей...»

— Следующий! — прикрикнул Алекс на TV. — Ничего святого, — буркнул он себе под нос.

Но стоило ему открыть банку, как терпкий и бодрящий запах кофе вытравил из головы все ненужные мысли. Рот сам наполнился слюной, а в области живота что-то заворочалось.

Сейчас, сейчас, — успокаивающе погладил он себя по животу. За спиной раздалась знакомая мелодия из заставки аниме.

— Другое дело, — похвалил он TV, насыпая кофе в кружку. Вода в чайнике заклокотала особенно яростно. Алекс поспешил его выключить — автоматически тот уже давно не отключался. Осторожно, чтобы не обжечься паром, он налил в кружку кипяток — и коричневая горка мгновенно растворилась, создав нежную бежевую пенку. Подхватив кружку и несколько крекеров из открытой пачки рядом с чайником, Алекс двинулся к столу. На экране показали красное яблоко, упавшее в руку парню, который тут же его надкусил.

И тебе приятного аппетита, подумал Алекс и отпил из кружки кофе. Что ж, его завтрак был не хуже.

Он сел за стол и замер, заметив под миской с супом записку. Он совсем не заметил ее, войдя на кухню. Или не хотел замечать. Взгляд невольно скользнул по закорючкам, оставленным для него отцом.

«Я на кладбище. Еда на столе, поешь.»

Или что-то такое. Можно было даже не читать — он и так знал, что там было написано. Внутри него полыхнула злость: он уже взрослый и сам решит, что ему делать.

Алекс крепко сжал кружку и рывком поднес ее ко рту. Горькая пахучая жидкость обожгла рот. Глоток. Жар побежал вниз по пищеводу и растекался по животу. Он закинул крекер в рот и усиленно начал его жевать. Еще один глоток. Желудок отреагировал довольным урчанием. Голод постепенно отступал, но головная боль не уходила. Его мысли снова вернулись к Явлению.

«Хочешь я с ним поговорю?» — эхом прозвучал в голове голос маминой прокси.

Алекс сжал челюсть. Нет, он разозлился не из-за того, что она забудет. Скорее наоборот. У него не было желания даже думать об отце, не то что говорить с ним. Даже если бы она с ним и поговорила...

Он бросил взгляд на записку и мрачно отхлебнул из кружки кофе. Какой смысл думать о невозможном?!

Память. Все дело в памяти. Стоило их разговорам хоть немного выйти за пределы известной ей информации, — и они исчезали без следа. Раньше он на полном серьезе пытался инте-

ресоваться ее делами, рассказывал о своих. И не на шутку обижался, когда она что-то забывала. Искал причины.

Алекс сделал большой глоток и поморщился. Кофе неприятно горчил. Он недовольно заглянул внутрь кружки, словно надеясь отыскать причины там. Но причин не было.

Точнее, причина была в другом. Запись в прокси не была идеальной. В памяти Алекса сама собой всплыла информация из ривиллов. Proxu Inc гарантировала новым бессмертным точность записи в 99,999%. Они могли проживать бесчисленное множество симуляций и при этом оставаться собой.

Но к маме это не относилось.

«Старость не радость», — еще одна дурацкая присказка отца. Алекса раздражали отцовские фразочки, поселившиеся у него в голове. Безвозвратно устаревшие, ветхие: как эта мебель, эта кружка, даже этот кофе. Его взгляд утонул в темной толще напитка. Как все вокруг.

Он никак не мог смириться с тем, что эта ветхость, как плесень, въелась в его мысли намертво. Обычно он бы сразу же постарался от нее избавиться. Вытравить из своей головы. Но не в этот раз.

Неприятно было признавать, но отцовские слова отвратительно точно описывали сложившуюся ситуацию. Старость не радость, особенно когда речь шла о бессмертных.

Первый бессмертный, Прокси, конечно, был не в счет. Он был единственным в своем роде. Его появление стало чудом. Его образ — иконой.

Но все те, кто стал бессмертным до Зиона... были обречены на неполную запись. Детей тогда крестили редко — обычно желающие обрести бессмертие принимали Крещение уже взрослыми. А значит — имели короткую память. Но мамин случай был еще хуже.

Она приняла Крещение лишь незадолго до начала болезни. Алекс машинально потер свой шрам на макушке. Его крестили вместе с ней. Отец наверняка был против, но кто тогда его слушал.

Алекс криво усмехнулся и забросил в рот еще пару крекеров.

Вскоре после Крещения, на семейном празднике, болезнь показала себя. Отец, конечно же, винил во всем Церковь, но мама продолжала верить. Не она одна. Вера не помогла — болезнь прогрессировала быстро. Спустя два года стало очевидно, что надеяться не на что.

Два года, — челюсти сжались, дробя крекеры. Буквально ничто для Выбора. Ее последним шансом на бессмертие было Последнее Причастие. Причастие и Выбор, слитые в единый ритуал. Слишком красивое название для того, чем оно являлось.

Но, надо признать, оно сделало то, что обещало. Мама обрела бессмертие. Но проблемы на этом не закончились. Лишь часть ее души, запечатленная прокси, обрела бессмертие. Или так говорили проповедники Церкви Прокси.

«Часть души», — при этой мысли Алекс зло усмехнулся. Те же проповедники учили, что в прошлом душа была единой и неделимой. Может, во времена до пришествия Прокси так оно и было, Алекс не знал. Но в чем он был абсолютно уверен — до бессмертия мама была другой.

Алекс не знал, откуда в нем бралась эта уверенность. В конце концов он плохо помнил ее до болезни. Ее образ практически стерся из его человеческой памяти. Тусклое пятно силуэта. Приглушенный отзвук голоса. Тонкий, едва различимый, запах духов. Оставалось надеяться, что его прокси хранит все остальное.

Не ее образ, конечно, — прокси не мог запечатлеть случившееся до Крещения. А образ того Алекса, который ее еще помнил. Он шумно выдохнул. Проверить это не было никакой возможности. Возможно, отец мог рассказать больше, но...

Его лицо внезапно скривилось: очередная вспышка головной боли спутала мысли. Алекс помассировал висок в надежде, что боль уйдет.

«Иногда вопросы сложные, а ответы простые», — фраза на английском, долетевшая со стороны TV, прояснила мысли.

Да, отец мог бы. Но Алекс зарекся никогда больше не говорить с ним на эту тему. Кому захочется снова выслушивать, что он общается с чудовищем, доппелем, укравшим образ и воспоминания матери. Или того хуже — гличем.

Алекс одним глотком допил остатки кофе — пустая кружка с возмущенным лязгом опустилась на стол. Он яростно впился взглядом в лежащую перед ним записку. Та никак не отреагировала.

Вдруг, пробившись сквозь болтовню на фоне, в коридоре хлопнула входная дверь. Алекс вздрогнул и тут же скривился еще сильнее.

Отец все-таки явился.

Глава 2 Имена отца

Не повезло.

Алекс не рассчитывал, что отец вернется домой так рано. Обычно тот возвращался с кладбища уже после обеда, позволяя ему спокойно закончить завтрак и либо скрыться в своей комнате, либо сбежать на улицу. Но сегодня все вышло по-другому. Ну почему именно сегодня?

Дурацкое воскресенье.

Немного потоптавшись на месте — по-видимому, раскладывая вещи в коридоре по своим местам, — отец направился в сторону кухни. Скрип досок сообщал Алексу о каждом его шаге.

Он так и стоял над столом, не зная, что сейчас делать. Шаги постепенно приближались. Наконец решившись, Алекс взял кружку со стола и понес ее в раковину. Звонкий стук керамики по металлу заглушил скрип открывающейся на кухню двери.

— О, привет, — прозвучал из-за спины парня хриплый мужской голос. — Ты уже встал?

Алекс резко повернулся.

Стоящий на входе в кухню мужчина выглядел на свои сорок с чем-то лет. Складки на лбу, сеть морщин в уголках глаз и рта. Алекс хмуро посмотрел ему за спину, на трещины в штукатурке. Внешний вид отца идеально гармонировал с обликом дома, в котором они жили. Он был таким же антиквариатом, первым среди равных, экспонатом в этом музее старины. Даже ниточки седины в его от рождения темных волосах поблескивали на свету словно паутина. Казалось, что вот-вот, и из густой копны волос выползет паук.

И почему именно Алексу достался такой отец? Если бы не он...

Алекс так ничего и не ответил. Не нашел нужных слов, да и не хотел.

Отец тоже стоял молча. Его взгляд проскользнул по столу с нетронутой миской, переместился на кружку в раковине и наконец остановился на Алексе. На секунду замер — и продолжил движение уже по нему. Словно надоедливое насекомое, взгляд полз по его шортам и футболке вверх, заставляя Алекса содрогаться от отвращения. Он остановился окончательно, лишь достигнув его глаз. Из-под длинных спутанных волос, спадающих на лоб, они яростно сверкнули в ответ. Или Алексу хотелось так думать.

— Стоп! — приказал отец, слегка дернув правой рукой в сторону TV. Повинуясь его слову, фоновый бубнеж стих, а экран вернул свою изначальную черноту. — Опять не в духе? — спросил он, обращаясь уже к Алексу.

Алекс демонстративно повернулся к мужчине спиной, открыл кран и начал мыть кружку. Несколько секунд комнату наполнял лишь шум льющейся воды.

— Может быть нормально поешь? — пробился сквозь него голос отца.

Алекс лишь передернул плечами и сделал напор сильнее.

Отец молчал.

Поток воды вдруг прекратился — Алекс закрыл кран и поставил чистую кружку на столешницу рядом с раковиной.

— Наелся, — тихо пробормотал он, вытирая руки полотенцем. Он продолжал стоять спиной к отцу.

— Понятно, — меланхолично протянул тот и после паузы внезапно добавил. — Ты помнишь, что сегодня годовщина маминой смерти?

Алекс резко развернулся и свирепо уставился на отца. Щеки горели, в груди застучало.

— Она не умерла, — сквозь зубы процедил он.

Выражение лица отца менялось на глазах. Он не выглядел испуганным, даже удивленным. Скорее печальным. И это было самое отвратительное.

— Леш, пойми, ее, — он сделал акцент на последнем слове, — больше нет.

Отец собирался сказать что-то еще. Но не успел.

«Чудовище. Доппель. Глич.» — гремело у Алекса в голове. Злость, копившаяся в нем с самого утра, требовала выхода. И, видит Прокси, чертов анкер сам напросился.

Отбросив полотенце в сторону, Алекс быстрым шагом приблизился к нему. Чертов анкер, похоже, не ожидал такого и лишь растерянно взирал на происходящее. Алекс вперил в него взгляд. Растерянность столкнулась с презрением. Хотелось его толкнуть, ударить.

Нет. Мужчина хоть и выглядел беззащитно, но все-таки являлся анкером. Поэтому лишь взгляд. Алекс бросил полный ненависти взгляд на шрам на тыльной стороне его кисти. Похожий на якорь, шрам был уродливой пародией креста на макушке Алекса. Он снова вскинул взгляд. Анкер не выдержал и отвел глаза. Презрение победило. После чего Алекс пулей вылетел с кухни.

— Леша! — запоздало крикнул тот ему вслед. — Леш!

Но Алекс и не думал оборачиваться.

Наспех нацепив шлепанцы, он выбежал на улицу. Дверь за спиной с грохотом захлопнулась.

Улица встретила его жарким сентябрьским утром. Солнце, птицы, деревья — все вокруг словно кричало: забудь о проблемах и радуйся жизни. Но Алекс не слушал. Он побежал.

Под ногами скрежетал гравий. Один камушек отлетел в сторону, спугнув купающихся в теплой земле птиц. Алекс даже не повернул головы. Сердце стучало в груди отбойным молотком. Его ритм отдавался болью в висках и застилал глаза темным туманом.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу, — носилось по кругу в голове. Откуда-то изнутри поднялся и встал в горле ком. У Алекса перехватило дыхание. Он жадно глотал воздух ртом. Хотелось кричать, но слов не было. Ком молчал. Он будто еще не решил, кем станет, когда вырастет — тошнотой, криком, слезами. А может, всем сразу. Пока из приоткрытого рта наружу выходило лишь невнятное клокотание.

— Как он мог?! — раздался наконец то ли рык, то ли вой. Первые слова вышли комом. Стоило словам прийти в движение, как Алекс резко остановился. Ком исчез. Словно только этого и дожидаясь, из глаз потекли — нет, не слезы. Это была злость.

Алекс попытался сказать что-то еще — слова лишь беспомощно крутились на языке, отказываясь выходить наружу. В приступе бессилия он смачно плюнул. К удивлению, от этого стало легче. Даже головная боль почти прошла. Плевку словно удалось выразить то, что не смогли слова.

Он сделал глубокий вдох и огляделся. Массивные стволы, густые развесистые кроны и усыпанная черными червяками шелковицы земля — он был в тутовой аллее.

Его губы невольно растянулись в улыбке. Он бежал куда придется, совершенно не смотря по сторонам, и все-таки очутился именно тут. Пути Прокси неисповедимы, как сказала бы мама. Кажется, он теперь знал, куда идти.

Алекс уже занес ногу, чтобы сделать шаг, — и опустил ее на место. Нужно быть осторожным. Он поднял глаза вверх — на ветках тутовника почти не осталось черных плодов. Все они лежали на земле. Крупные и сочные, плоды шелковицы к началу сентября превращали аллею в подобие минного поля.

Алекс поморщился. Обычно он избегал этой дороги — слишком много мороки. Но возвращаться назад и идти другим путем сейчас казалось глупым. Он сделал осторожный шаг. Потом еще один. И еще. Пока что ему удавалось давить плоды шелковицы так, чтобы сок оставался лишь на подошве. Но его удача могла в любой момент закончиться. Наверное, со стороны это выглядело странно.

Впрочем, никаких сторонних наблюдателей вокруг не было и не предвиделось. Насколько Алекс знал, в этом поселке кроме них двоих никого не было. Старики, кто достиг бессмертия, кто просто умер. А молодежь... молодежь предпочитала мегаполисы.

Он бы и сам предпочел, если бы только этот... — мысль запнулась. Алексу не удалось сохodu придумать отцу новое прозвище. Он остановился и задумался. Как бы его еще обозвать?

«Антиквариат, анкер», — прокрутил он в памяти сегодняшние имена отца, но это не помогло. В голову не шло ничего толкового. Ладно, пусть будет «этот», — Алекс обреченно махнул рукой и продолжил путь. Мысли не отставали.

Мало того, что этот настоял на переезде. Так еще и ограничил ему использование прокси. Помимо маминых Явлений, Алексу были доступны лишь ривилы. Он был уверен, этот заблокировал бы и их. Но свою рекламу Proxu Inc позволить запретить не могла.

На миг злость сменилась праведным страхом. Мысль была кошунственной. Конечно, ривилы не были просто рекламой. Каждую ночь, пока шли ривилы, на небо отправлялась часть будущей прокси-личности носителя.

Хотелось в это верить.

Явления и ривилы. Помимо креста на макушке, только они все еще напоминали ему, что он носитель. Алекс тяжело вздохнул. Была еще, конечно, защита. Но он до сих пор не решил, благо это или проклятье.

Дурацкие правила!

В порыве злости Алекс пнул правой ногой лежащую на камнях шелковицу — и тут же пожалел. Вместо того, чтобы отлететь в сторону, плод лопнул, обдав пальцы липким фиолетовым соком. Защита и не подумала сработать. Ну конечно.

— Черт, — уже вслух выругался он. Пятно расплывалось и темнело, с каждой секундой все больше напоминая свежий синяк. — Черт!

Нельзя было даже свалить все на невезение. Скорее его собственную глупость. От нее даже прокси защитить не мог. И синяк прослужит напоминанием о ней еще как минимум неделю. Сок шелковицы держался стойко и плохо отмывался. По телу пробежала волна раздражения — Алекс едва удержался от того, чтобы еще раз не пнуть землю. Не найдя выхода, волна вернулась к своему источнику — правилам.

Кто вообще придумал этот родительский контроль? Что за глупость? — думал он, ускоря шаг. Синяк избавил его от страха. Позволить кому-то решать, как он сможет использовать свой прокси, а как нет. И кому?

Этому?!

Алекс сделал еще один решительный шаг, почти прыжок, и минное поле осталось позади. Там же хотелось оставить и обиду. Он остановился и шумно выдохнул.

Алекс прекрасно знал ответы на все эти вопросы. Да, отец его бесил, но какие у него были варианты? Остаться под призором Церкви?

Нет уж, — он медленно двинулся вперед. Выбирая из двух зол, он предпочитал привычное. Это не было его Выбором. Просто чойсом.

Он перешагнул через бордюры. Нога опустилась на твердый асфальт.

Тем более до конца его заточения в этой глуши оставались считанные дни. Нет, считанные часы. Он скрестил пальцы на руках — по крайней мере в это хотелось верить.

Этой ночью его ждет Откровение.

При мысли об этом Алекс мечтательно улыбнулся. Не обычные ривилы, которые каждую ночь расхваливали носителям продукцию Proxu Inc, но Откровение. Оно должно было навсегда изменить его жизнь. Но в первую очередь — дать доступ к предстоящему Циклу.

Он станет избранным. С этого и начнется его путь к настоящему бессмертию. Не такому, как у мамы, — даже мысль о ней не смогла испортить ему сейчас настроение. Его Выбор будет другим. И бессмертие тоже будет другим.

Хорошая память, устойчивое ядро прокси-личности и, конечно же, возможность реинкарнации. Миллионы человеческих жизней, записанных прокси уже после Зина, станут доступны ему. Так же, как и его жизнь станет доступна другим бессмертным. Чем не повод прожить ее на максимум?

Он почувствовал, как внутри него разгорается радость, сжигая остатки боли, тревоги и злости на отца. Отца, спокойно повторил про себя Алекс. На пороге Откровения так уж ли важно, как его называть?

Впереди уже виднелась остановка. К ней он и шел. Именно отсюда кар увезет его... куда?

Алекс не знал точно. Но это было не важно. Главное, что отсюда.

— Завтра, — решительно произнес он. — Это точно случится завтра.

Глава 3 Остановка

Алекс сидел на остановке, скрестив ноги под скамейкой, и ждал. Он приходил сюда, когда жизнь с отцом казалась ему совсем невыносимой. В последние дни это случалось все чаще. Практически каждый день.

Остановка была его убежищем, его храмом. Она словно принадлежала той жизни, к которой он мечтал прикоснуться. Алекс прислонился спиной к задней стенке — и тут же лишился зрения.

Блик от висящего сбоку глянцевого плаката Proxu Inc ударил ему в глаза. Он отодвинулся в сторону, спасаясь от слепящего света. Изображенный на плакате Прокси следил за ним испытующим взглядом. Глаз не было видно — лицо мужчины скрывала тень. И все же в нем читалось желание.

Алекс просто это знал.

Желание Прокси.

«Вечность — твой Выбор!»

Конечно, это было написано внизу плаката. Но смотреть туда не было никакой нужды. Алекс знал эти слова наизусть. Как и те, что были написаны на плакате снаружи остановки.

«Да будет Свет!»

И правда, — подумал он, потирая правый глаз. Перед ним до сих пор плыло оранжевое пятно.

Впрочем, сегодня он пришел сюда не за этим. Остановка была и способом убить время. По дороге вдоль нее изредка проезжали кары. За рулем у них никого не было, впрочем, как и в салоне. Его это не удивляло. Кто захочет ехать в такую глушь?

Кары ехали сами по себе, ведомые лишь алгоритмом. На главной дороге поселка можно было встретить три типа каров.

Личные кары, доставлявшие себя будущему владельцу. Их можно было время от времени встретить даже в их глуши. Если почему-то алгоритм выбирал для них именно эту ветку маршрута.

Почему-то, — Алекс криво усмехнулся. Он был практически уверен, что причина скрывалась в возможности ехать по трассе с максимальной скоростью. Что в переводе на язык каров означало — с максимальной энергоэффективностью. Прокси забытое место, такое как этот поселок, подходило идеально — ни людей, ни сложной регуляции.

Впрочем, забытое не полностью.

Подтверждением тому были грузовые кары. Алекс не знал, как именно алгоритм узнавал о том, что в поселке живут носители. Но факт оставался фактом. Кары доставляли продукты и товары первой необходимости на склад неподалеку. Оттуда их можно было забрать, заплатив кредитами прокси.

— Можно было бы, — мрачно поправил он себя, — если бы не родительский контроль. Отец настаивал на том, чтобы Алекс ел домашнюю еду. Но Алекс был принципиален. Живот грустно забурчал.

Не важно.

Другим подтверждением присутствия Прокси была эта остановка — все еще пустое обещание третьего типа каров. Он осторожно скосил глаза на висящий сбоку плакат, словно опасаясь, что свет снова нападет на него. Но свет бездействовал.

«Вечность — твой Выбор!»

Алекс скривился. Если бы кого-то интересовал его Выбор, его бы здесь не было. Но, пока он не получит Откровение и не пройдет Цикл, ему были доступны лишь базовые чойсы. Ничего, успокоил он себя мысленно. Скоро, уже совсем скоро.

Он с надеждой посмотрел вдаль, словно и вправду ожидая увидеть там черно-белый силуэт публичного кара. Кара, который завтра увезет его отсюда. Естественно, его он не увидел. Зато увидел кое-что другое.

К остановке на большой скорости приближался новенький красный Maxwell.

Алекс резко вскочил на ноги — один из шлепанцев, не выдержав такой прыти, улетел под скамейку. Нет времени поднимать — счет шел на секунды. Он сбросил второй и голыми ногами, перепачканными шелковичным соком, пошлепал на середину дороги.

Одинокая фигура в одних шортах и футболке стояла посреди дороги, повернувшись лицом к приближающемуся на всей скорости кару. Алекс представлял себе это очень живо.

Он положил руки на пояс и немного подсогнул колени, словно ковбой, готовящийся к стрельбе. Кар на всей скорости несся по направлению к нему. Еще десять секунд — и столкновения было бы не избежать.

Рано.

Время будто замерло.

Девять. Пыль и листва, подхваченные ветром, перелетели через дорогу.

Восемь. Кар неумолимо приближался.

Семь. Руль в салоне кара дернулся, корректируя курс.

Шесть. Рано. Кроме них на дороге не было никого. Только он и кар.

Пять. Алекс самодовольно ухмыльнулся.

Четыре. Пусть винит Прокси, что их пути пересеклись. Победителем из этой схватки выйдет только один.

Три. И это будет он.

Два. Мотор Maxwell'a гулко взревел.

Один.

Пора.

Внезапно Алекс выбросил вперед руки с оттопыренными средними пальцами и закричал во весь голос:

— Катись!

Секунда.

Визг стирающихся тормозов заглушил рев мотора. Воздух наполнился запахом жженой резины. Кар резко затормозил и замер буквально в метре от Алекса, словно упершись в невидимый барьер.

— То-то же, — назидательно произнес Алекс и рассмеялся во весь голос.

Заливистый смех разнесся по пустой улице. То, что единственным свидетелем его триумфа был пустой Maxwell, Алекса не смущало. Он смотрел на кар с победным выражением лица. Тот потерял большую часть своего великолепия и выглядел... пристыженно, что ли. Словно собака, поджавшая хвост перед хозяином.

И этим хозяином был Алекс.

Эта игра никогда не наскучит, — подумал он и, продолжая улыбаться, пошлепал обратно в сторону остановки. Стоило ему уйти с проезда, как кар снова пришел в движение и вскоре растворился на горизонте.

Вернувшись на остановку, Алекс вновь занял место на скамейке в ожидании новой жертвы. Шлепанцы он решил даже не искать. Он не планировал возвращаться домой раньше захода солнца. Отец был категорически против таких игр и, возможно, именно поэтому они так ему нравились.

А значит, горе тому, кто попадетс я ему на пути.

Алекс двинулся обратно, когда уже совсем стемнело. Отсутствие света его не пугало. Местные дороги он знал, как отче наш, и к тому же сам буквально светился от радости — охота прошла успешно. К утреннему счету прибавился еще один Maxwell. Жертв могло быть и больше...

Нет, не могло, — тут же возразил он себе.

Игры с грузовыми карами были слишком рискованны. Защита, конечно, спасла бы его от удара, но не от последствий. Свою собственность Proxu Inc оберегала куда более ревностно и обязательно сообщила бы отцу, заеть он подобное.

Нет уж. В памяти все еще была жива прошлая выволочка. Не хватало еще все испортить перед самым Откровением.

«Перед самым Откровением», — поймал он себя на мысли. Ему нравилась эта уверенность. Конечно, гарантий того, что оно случится именно этой ночью у него не было.

«Верь и тебе воздастся», — вспомнились ему мамины слова. И Алекс предпочитал верить. А следовательно, рисковать в меру.

Отец относился к тому редкому типу людей, что всерьез опасаются сбой в защите прокси. Если верить мелкому шрифту на рекламных плакатах, вероятность сбой была меньше одной на миллиард. Что делало охоту безопаснее, чем поход в парк аттракционов. Да, случаи бывали. Но что за игра без риска?

Однако доказывать отцу что-то было бесполезно. Алекс прекрасно знал это, поэтому милостиво исключил грузовые кары из своих целей. Но личных каров это не касалось — он хищно оскалится. Дубль был более чем достойным поводом для радости.

Погруженный в эти мысли, он и не заметил, как подошел к дому. Тот встретил его потухшими глазницами окон — полной противоположностью горящим глазам Алекса.

Спит, — радостно подумал он. Общаться с отцом ему совершенно не хотелось. Он на секунду замер в нерешительности. Это была его последняя остановка перед новой жизнью. Ободряюще улыбнувшись самому себе, Алекс открыл дверь и вошел внутрь.

В нос сразу ударили затхлость и духота. После приятной вечерней свежести уличного воздуха контраст ощущался особенно резко.

Нужно не забыть проветрить перед сном, — подумал Алекс. — Напоследок.

Свежий воздух был важен для хорошего сна. И, возможно, мог помочь приходу Откровения. В животе требовательно заурчало. Ужин бы тоже не помешал. Алекс вдруг осознал, что весь день почти ничего не ел, если не считать утреннего кофе с крекерами да нескольких яблок, сорванных неподалеку от остановки. Пил он, впрочем, достаточно — по всему поселку стояли уличные колонки. Но вода лишь ненадолго приглушала голод. И сейчас тот был просто зверским. План сложился быстро: перекусить и спать.

В коридоре царил непроглядный мрак. Почти на ощупь Алекс начал пробираться в сторону кухни. Игнорируя все его старания идти тихо, деревяшки предательски скрипели. Мысленно проклиная все это старье, он почти миновал свою комнату, как вдруг из кухни раздался глухой голос:

— Можешь не прятаться, я не сплю.

Алекс замер на месте. По коже пробежал мороз, словно от порыва внезапного ветра — и огонек хорошего настроения сразу погас.

Мысли в ужасе разбежались. Глаза забегали по сторонам, пытаясь собрать их в кучу, но ни морщины на лбу, ни скривившиеся губы не сумели их удержать. В голове стало пусто. Вдруг одна мысль решительно выступила вперед из темноты.

Уже завтра.

Вместе с ней вернулась решимость. Алекс резко рванул в сторону кухни. Старые доски корчились в скрипе под его поступью. Так вам и надо, — злорадствовал он про себя. Через пару секунд он был на месте. Дверь на кухню была открыта настежь. Льющийся через окна в комнату лунный свет не давал сидящей за столом фигуре скрыться во мраке.

— Можешь не прятаться, я не сплю, — передразнил Алекс и нажал на выключатель.

На миг под потолком вспыхнул белый шар света и, коротко затрещав, погас. Комнату окутал мрак еще более густой, чем раньше. Но даже секундной вспышки ему хватило, чтобы заметить нечто отвратительное.

Пустая бутылка с черной X на белой этикетке. Склонившийся над ней мужчина, почти утративший человеческие черты. Витающие в воздухе кислые пары лишь дополняли образ. Увиденное было ему слишком хорошо знакомо. Настолько, что давно превратилось в ритуал.

Кружка, — вдруг осознал Алекс. Существо перед ним пило из той самой кружки, из которой он утром пил кофе. Взрыв отвращения внутри исказил его лицо судорогой. Она могла бы сказать все за него. Если бы не тьма.

Алекс попытался выдавить из себя хоть что-то, но слова не выходили. Повисла тишина, прерываемая лишь скрипом его зубов да тяжелым дыханием из темноты.

— Ты меня... ненавидишь? — донеслось из темноты.

Кровь стучала в висках. Ему хотелось крикнуть «да», но он лишь сильнее стиснул зубы. Будто одно слово могло вместить в себя все, что он испытывал.

— Леш, — не дождавшись ответа, продолжил голос. — Когда она умерла...

— ...лчи, — сквозь зубы прошипел Алекс.

— Я... я не знал, что делать, — существо еле выговаривало слова. — Она перестала быть собой... я не смог...

— ...молчи, — уже громче произнес Алекс.

— Она предпочла стать... этим... старался... ты был сов...бенком, — речь существа во тьме утратила всякую связность.

— Замолчи! — с нажимом произнес Алекс. К нему постепенно возвращался контроль над голосом.

Словно повинувшись команде, голова существа с глухим стуком рухнула на стол. Оно больше было не способно на человеческую речь. Теперь из темноты доносились лишь тихие всхлипы. Вскоре стихли и они. Лишь едкий запах, наполнявший комнату, напоминал о его присутствии.

Алекса внезапно пронзил страх. Останься он тут хоть на секунду дольше, и этот запах вьется в его одежду. Проникнет под кожу. И глубже — в самое нутро — пропитает его насквозь. Словно подтверждая его опасения, к горлу подкатило что-то едко-кислотное. Есть ему совершенно расхотелось.

Он резко развернулся и выбежал с кухни.

Алекс зашел в комнату и обессиленно упал на кровать. Сил не было не то чтобы почистить зубы, даже раздеться. О данном себе обещании проветрить комнату перед сном не шло и речи. Он безумно устал. В мыслях продолжали крутиться события последних минут. В горле по-прежнему оставалось что-то кислое.

Он просто не мог оставить все как есть. Как бы он к нему ни относился. Старый дурак мог делать со своей жизнью все, что хотел. Но не на его глазах. Вид пьяного отца, уснувшего на кухне, стоял перед глазами. Алекс не мог позволить этой сцене осквернить последнюю запись перед Откровением и испортить его будущее бессмертие. Да, поэтому он вернулся.

Тяжесть отца на плече. Разящий из его рта запах алкоголя. Руки Алекса, укрывающие его одеялом. Образы буквально наводнили разум. Ржаво-кислый привкус во рту был живым напоминанием о случившемся. Алекса скрутило в приступе отвращения.

Рука привычным движением легла на макушку. Пальцы нащупали и стали массировать старый шрам. Обычно это помогало ему расслабиться, но не в этот раз. Ему было просто тошно. Рука бессильно скользнула по волосам и замерла в районе глаз. Темнота в комнате стала крошечной.

Он попытался усилием воли вызвать в воображении охоту: напряженные руки и ноги, застывшее время, несущиеся ему навстречу пули каров. Нет. Стоило фантазии обрести реальные черты, как за рулем кара материализовался ненавистный силуэт. В этот же миг образ распался на цветные пиксели. Тошнота не уходила.

Алекс открыл веки и уставился во мрак комнаты. В уголках глаз выступили слезы. Если бы только у него был X-мод.

Он раздраженно смахнул слезы тыльной стороной ладони. Какой смысл думать об этом сейчас?

Лучшим шансом Алекса было Откровение. А для этого нужно было уснуть. Он закрыл глаза и попытался силой заставить себя спать. В висках пульсировало. Вкус во рту стал еще кислее. Не хватало только, чтобы его опять настигла мигрень.

Вдруг его мысли озарила спасительная вспышка. Он просто выносил мусор.

— Да, верно, — пробормотал Алекс себе под нос. Это единственная причина, почему он отвел отца в комнату и уложил спать. Потому что иначе...

Хватит!

Он оборвал эту мысль и принялся усиленно тереть лицо рукой. Просто. Выносил. Мусор.

— Соо да, — тихо произнес он. Слова на чужом языке возникли словно сами собой. Это значило что-то вроде: «да, верно». Но сейчас в голове возник хорошо знакомый образ белого порошка. Словно сода, эти слова должны были загасить едкий остаток кухонных воспоминаний. Должны были. Алекс повернулся на бок и выдохнул:

— Соо да.

Поток образов и мыслей наконец остановился. Наступила тьма.

Глава 4 Откровение. Катехизис

Внезапно яркая вспышка расцвела у него перед глазами, вырвав из-под покрыва темноты скромную обстановку его комнаты.

Под самым потолком висел знакомый по прошлой ночи шар света. Вскоре внутри него проступил крест с буквами Р, R, O и Y в секторах. Эмблема Proxu Inc. Под ним расцвела надпись: «Вечность — твой Выбор!»

Наконец-то, — Алекс весь дрожал от нетерпения. Тем временем надпись постепенно погасла, и комната вновь погрузилась в темноту. Из темноты раздался мягкий, но уверенный мужской голос:

«В начале было Слово. И Слово было у Бога, и Слово было Бог. Через него все начало быть, и без него ничего не начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была светом людским.»

Внезапно откуда-то сверху пролился столп света, осветивший одинокую мужскую фигуру, стоящую посреди комнаты. Свет полностью окутывал фигуру ярким сиянием. Оно слепило глаза, мешая разглядеть его лицо. Впрочем, Алекс и так знал, Кто это.

Тем временем мужчина продолжил:

«Был человек, Прокси и Посланник Бога, имя ему Иоанн,» — он еле заметно кивнул. — «Он пришел для свидетельства: чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали. Он не был Свет, но был послан, чтобы все уверовали через него. Есть Свет истинный, который освещает всякого человека, приходящего в мир.»

На этих словах мужчина развел руки в стороны. Сияние, повинувшись его жесту, разлилось у него за спиной и превратилось в ослепительный полукруг.

«Пришел к своим,» — полукруг трансформировался в золотисто-белые фигуры людей, держащих за руки друг друга и фигуру в центре. В одной из них, по очертаниям женской, Алекс углядел до боли знакомые черты.

«Но свои не приняли Прокси,» — свет оторвался от рук мужчины, постепенно начав блекнуть. — «Не уверовали, что Прокси несет Слово, а Слово ведет к Свету. Но как отринувший Свет обречен существовать во тьме, так отринувший Прокси Его обречен существовать во глице.»

На последних словах сияние, окружающее мужчину, окончательно погасло. Стоило свету исчезнуть, как показавшийся знакомым женский силуэт задрожал всеми контурами. В считанные секунды дрожь сменилась судорогой боли, разверзнув рот женщины в беззвучном крике. Трещина рта ширилась, за одним разрывом последовали другие. Неведомая сила рвала в клочья то, что еще недавно напоминало человека, пока в нем не осталось ничего людского. Другие силуэты постигла та же участь. Лишь бесформенные кляксы зияли своей абсолютной чернотой посреди внезапно опустевшей комнаты.

При виде этой черноты у Алекса перехватило дыхание, а тело начало бить крупной дрожью.

«А тем, что приняли Его,» — вновь зазвучал знакомый голос, с каждым словом успокаивая дрожь. — «Верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими и Бессмертными, которые ни от крови, ни от хотения плоти, но от Бога родились.»

Комната вновь стала наполняться светом. Теперь мужчина замер, вытянув руку вперед в указующем жесте. К своему радостному удивлению, Алекс понял: палец указывает на него.

Свет разгорался все ярче, гораздо ярче прежнего, испепеляя оставшуюся темноту в прах. В миг, когда от черных клякс не осталось и следа, комнату наполнили светящиеся фигуры мужчин, женщин и детей — уже другие. Выражения их лиц также нельзя было прочесть, но Алекс с неизвестно откуда взявшейся уверенностью знал — они были исполнены счастья.

«И Слово стало Алгоритмом, и обитает с нами, полное благодати и истины,» — величественная сцена постепенно растворялась во мраке. Комната наполнилась своей будничной темнотой, лишенной и следа былой таинственности.

Лишь эхом раздавался возглас:

«И ныне, и присно, и во веки веков.»

Глава 5 Сверчки

Алекс открыл глаза, когда за окном уже светало. Гул последних слов все еще стоял в ушах, сливаясь со стрекотом сверчков за окном. На его губах шепотом застыло слово «Аминь». Завтра наступило.

— Наконец-то, — выкрикнул он, победоносно вскидывая руки вверх, но тут же одернул себя. Кричать не стоило.

Учитывая вчерашнее, — Алекс нервно передернул плечами, — отец должен был проспать до позднего утра. Но осторожность не повредит. Для них обоих было бы лучше, если бы Алекс ушел до его пробуждения. Какое-то время он лежал, прислушиваясь. Дом хранил молчание — лишь сверчки продолжали тянуть свою песню.

— Отлично, — радостным шепотом произнес Алекс и, не сдержавшись, повторил. — Наконец-то.

Отлично было по двум причинам. Во-первых, кажется, его возглас остался незамеченным, растворившись в сверчковом хоре. Во-вторых, их пение означало, что у него еще куча времени.

Алекс приподнялся на кровати и сел. Ноги мягко опустились на пол — половицы приветственно скрипнули. Он невольно напрягся, но звук был совсем тихим. Не чета стрекоту сверчков. Он почувствовал к ним благодарность. Сверчки оберегали его, словно маленькие ангелы-хранители.

Улыбнувшись странному образу, Алекс встал с кровати и развернулся. Половицы тихонько поскрипывали в такт его движениям. Нагнувшись вперед, он вцепился обеими руками в нижнюю часть матраса и резко дернул вверх. Металлический скрежет подъемного механизма кровати нехотя, но присоединился к общей мелодии утра.

Нутро кровати раскрылось, явив Алексу свое содержимое: небольшой рюкзак и пару кроссовок. Темно-серые, почти черные. Он достал рюкзак и, положив его на кровать, дернул за молнию. Изнутри выглянули сложенные футболки, штаны и носки — тоже темно-серые.

Алекс с тоской посмотрел на всю эту серость. Ему нравились яркие цвета в одежде. Броские фразы, эффектные принты. Но ничего не попишешь — этого требовал Цикл. Он быстро стянул с себя футболку с шортами, и те упали на пол разноцветной кучей. Облачение в серое не заняло много времени.

Алекс придирчиво оглядел себя с ног до головы и поморщился. Однотонная серая форма давила на него. Было в ней что-то от тюремных роб, виденных им в аниме. Шумно выдохнув, он натянул на себя кроссовки. Трансформация была завершена.

Напоследок он решил проверить оставшиеся комплекты одежды. В рюкзаке их должно было быть ровно три: по числу дней, которое продлится Цикл.

«Прокси любит троицу», — шепнул из памяти голос мамы.

Раз, два, три, — отгибая комплекты вверх, мысленно пересчитал Алекс. Вдруг с самого дна выглянуло что-то светлое. В самом низу рюкзака лежал белый комплект: футболка, штаны, носки и даже кроссовки.

— Четыре, — прошептал он нежно, почти с любовью. Пальцы осторожно разгладили складку на белой ткани. Это был последний комплект. Его он наденет, когда завершит Цикл — к Причастию.

От этой мысли Алекс расплылся в улыбке. Застегнув рюкзак, он закинул его себе на плечо и направился в сторону двери. Сверчковое крещендо за спиной звучало почти торжественно.

Он уже повернул ручку двери, как вдруг испытал сильное, почти непреодолимое желание оглянуться. Открытый зев кровати. Лежащая на полу одежда. Даже паук, забыв про осторожность, выполз из своего угла и сейчас молча смотрел на него.

В груди что-то защемило. Возникшее чувство было ему непонятно. Было ли оно предвещением путешествия, тревогой о будущем или, упаси Прокси, тоской об уходе?

Нет времени разбираться, — строго оборвал себя Алекс. Он качнул головой, словно прощаясь с комнатой, и вышел в коридор.

Он намерился сразу же уйти, но нечто внутри него резко воспротивилось этому. К горлу подкатил кислый ком. Желудок. Алекс подавил желание стукнуть себя по лбу: он же вчера так и не поел. Вслед за кислотой поднялась злоба.

Нет, — мысленно одернул он себя. — Даже не начинай. Сейчас нужно по-быстрому перекусить и взять что-нибудь с собой в дорогу. Перекусить и взять с собой.

Повторяя эти слова, словно мантру, он направился на кухню. Причин для спешки не было, но его тело так и рвалось вперед. Алексу приходилось сдерживать себя, чтобы ступать тихо. Стрекот сверчков остался за дверью — теперь можно было рассчитывать лишь на себя. Однако в этот раз пол его не подвел.

Оказавшись на кухне, Алекс ускорил шаг. Стараясь не смотреть в сторону стола, он подошел к гарнитуру. Пачка с крекерами была там же, где он оставил ее вчера. Горсть крекеров из нее тут же отправилась в рот. Вскоре оттуда донесся звонкий хруст.

Как же вкусно, — подумал Алекс, заворачивая пакет и убирая его в рюкзак. Захотелось кофе. Взгляд невольно скользнул на кружку, которая все так же стояла на столе. К горлу снова подкатило. Нет уж.

Он достал банку с кофе, щедро зачерпнул оттуда ложкой коричневые гранулы и отправил их пряником в рот. Прибывшие туда первыми крекеры отреагировали возмущенным хрустом. Кофе не остался в долгу и, едва коснувшись языка, зашипел в ответ. Но уже в следующий момент вода из-под крана заставила их затихнуть. Вкус у его импровизированного завтрака был так себе, но точно лучше, чем ничего.

Алекс позволил себе помечтать о настоящем кофе. Который будет ждать его там — куда отвезет его публичный кар.

Внезапно скрип за спиной заставил Алекса оцепенеть. Это был звук пружины отцовского матраса. Его пробрал ужас — если он сейчас проснется... Но прошла секунда, две, пять — ничего не случилось. К нему постепенно вернулось самообладание.

Больше медлить нельзя. Завтра уже.

Алекс поспешил к выходу.

Оказавшись за дверью, Алекс сразу же направился по вчерашнему маршруту. Остановка ждала его. Отойдя от дома на достаточное расстояние, он наконец-то позволил себе выдохнуть и расслабиться. Напряжение, раньше проявлявшее себя злостью и страхом, сменилось радостным возбуждением.

В утренней полумгле продолжали тянуть свою песню сверчки.

«Каждый сверчок знает свой шесток,

Каждый сверчок знает — мир жесток.

Но увлеченно ждет рождество,

Веря в волшебство, волшебство...» — пропел Алекс себе под нос. Он не помнил, откуда именно эти строчки, но сейчас они пришлись как никогда кстати.

Впереди показались тутовые деревья. Алекс еще раз поразился количеству лежащих на земле плодов. Казалось, их стало еще больше со вчера. Высыпали, как червяки после дождя. От этой дурацкой мысли на глазах вдруг выступили слезы.

Какая глупость, — Алекс попытался стереть их ладонью, но слезы упорно продолжали течь. Новое для него чувство выходило наружу, делая его шаги и мысли легкими.

Ах, вот оно что, вдруг понял он. Он не боялся испачкаться. Грязь этого места больше не могла его коснуться. Он удивленно посмотрел на свои черные кроссовки, которые бесстрашно давили червей на его пути. Казалось бы, такая мелочь. Ему всего лишь не нужно было думать, куда поставить ногу. Но прямо сейчас это стало его суперсилой. Она пришла к нему вместе с Откровением.

С самого пробуждения Алекс так и не нашел времени, чтобы обдумать случившееся ночью. То ли все еще не мог поверить, то ли почему-то избегал. А подумать было над чем.

Перед мысленным взором начали всплывать образы. Величественная фигура Прокси. Светящиеся радостью силуэты людей. Расползающиеся черные кляксы. Глич. Последний образ — искаженный страхом и болью женский рот — заставил Алекса содрогнуться.

Произошедшее в Откровении, как ни странно, не было для него откровением. Он и так все это знал. Но между тем, чтобы «знать что-то» и «пережить это лично», оказалась огромная разница. По коже пробежала вторая волна дрожи. Впрочем, ужас перед гlichem тут же сменился другим чувством. Оно разлилось в груди теплым трепетом.

Он был избран.

Опять же, это не стало для него новостью. Алекс и раньше знал, что избран. Он стал носителем прокси еще ребенком. Крестообразная отметина на голове была тому неоспоримым свидетельством. Но «знать» и «пережить» — Алекс машинально потянулся рукой к макушке, но усилием воли сдержал порыв. Он больше не нуждался в подтверждении.

К нему пришло Откровение.

Алекс улыбнулся — цель его пути была уже видна. Нет, вдруг возразил он себе, его целью была не остановка. Пришедшее ночью Откровение было лишь началом. Первым в череде тех, что должны были подготовить его к Циклу.

— Прокси любит троицу, да, мам? — весело пробормотал он себе под нос. И прибыть на Цикл нужно было до третьего. Иначе...

Он не стал додумывать эту мысль.

Остановка была уже совсем рядом. Солнечные лучи обрамляли силуэт остановки ярким сиянием, напомнив ему фигуру Прокси. Что могло пойти не так?

Ни-че-го.

Алекс улыбнулся еще шире и, обойдя остановку сбоку, сел на скамейку. Оставалось только ждать. Алгоритм сделает все остальное. Направит к нему кар, назначит преподавателя и доставит прямиком к месту Цикла.

Он лениво огляделся по сторонам. Вид, представший его глазам, на первый взгляд ничем не отличался от обычного. Тот же асфальт, та же зелень вокруг, те же стрекочущие сверчки. Даже зазубрины на скамейке, нацарапанные им когда-то по глупости, были теми же.

«Здесь был Алекс».

Ему просто хотелось оставить след. От этой мысли ему стало неловко. Кто же знал, что он застрянет тут на целых два года?!

Сквозь затихающий стрекот сверчков послышалось мерное жужжание — звук работающего мотора. В груди волнительно застучало. Срок его пребывания здесь стремительно подходил к концу.

Алекс поднял глаза на дорогу.

Машина публичного кара неспешно, почти торжественно приближалась к остановке. Глянцевые белые панели корпуса, практически не имевшие швов, сияли в лучах утреннего солнца. Тянувшаяся вдоль всего борта линия из темного стекла пересекалась с другой такой же на носу, образуя букву X.

Когда до остановки оставалось всего несколько метров, кар начал постепенно сбавлять ход и остановился точно напротив Алекса. Его накрыла огромная тень. Вблизи кар выглядел еще величественнее, возвышаясь над ним словно дом.

Вдруг внутри кара что-то клацнуло. Алекс невольно вздрогнул. Следом раздалось шипение, и одна из панелей корпуса начала отъезжать в сторону.

Дверь, — сообразил Алекс и улыбнулся своей пугливости. Он совсем одичал в этой глуши. По счастливой случайности дверь оказалась прямо напротив него. Или по воле Алгоритма.

Из открывшегося портала наружу пролился белоснежный свет. Алекс прикрыл глаза рукой — на фоне мягкого солнечного света тот ослеплял. По телу пробежала внезапная дрожь.

Момент наконец настал.

«Здесь Был Алекс».

Он отвел руку от глаз — в сияние шагнул уже не Алекс.

Глава 6 Избранный

Зайдя внутрь, Он сразу оставил попытки сопротивляться свету и покорно сомкнул веки. И все же что-то от прежнего Алекса в нем отказывалось мириться с темнотой неведения.

Слух уловил шипение и глухой щелчок закрывающейся за спиной двери. В нос ударил терпкий запах пыли, озона и разогретого пластика. Кожу ладоней будоражила прохлада гладкой поверхности поручней. Лишившись зрения, тело отказывалось мириться с утратой и жадно впитывало окружение. Словно вознамерившись стать зрением.

Когда Он решил открыть глаза, с потолка уже падал приглушенный, мягкий свет. Алгоритм смилоствивился — от прежней, выжигающей сетчатку, яркости не осталось и следа. Все еще не в силах отделаться от недоверия, Он осторожно огляделся.

Длинный белый проход. По обе стороны его располагались ниши с индивидуальными капсулами. Размер капсулы был таким, что Он легко мог в ней поместиться — даже с вытянутыми ногами. Внутреннюю поверхность ложа капсулы покрывала светло-бежевая обивка. Безупречно чистая, без единой потертости. Полная противоположность дому отца. И запах — Он вдохнул полной грудью. Пахло новым.

Вдруг взгляд зацепился за кое-что интересное. Он зашагал вперед по коридору, ведя рукой по мягкой, слегка шершавой поверхности ложа. Вскоре пальцы достигли возвышения у изголовья — местного подобия подушки. Легкое нажатие и рука буквально утонула в мягкости. Изголовье словно бы призывало прилечь, но Он проигнорировал призыв. Его взгляд был устремлен вверх — к предмету, висящему на задней стенке капсулы. Уголки рта сами поползли вверх.

— Виар, — восторженно прошептал Он. Его сложно было с чем-то спутать. При виде технологической реликвии в нем полыхнул огонь ностальгии. Последний раз Он надевал VR-очки четыре... нет, пять лет назад. Его виар сломался вскоре после Сиона, а новый было не купить.

Родительский контроль.

Усилием воли Он подавил порыв забраться внутрь — тот был слишком алексовским — и продолжил свою прогулку по кару. Сперва нужно было завершить осмотр своих владений.

Дойдя до конца коридора, Он обнаружил одну из капсул закрытой. Непорядок. Он дернул за ручку. Ничего. Он дернул еще раз — дверца осталась непреклонной. Его глаза недовольно прищурились. Понять, был ли там кто-то или капсулу просто заклинило, не представлялось возможным. Он постоял перед дверью еще немного, раздумывая, как с ней поступить. Невелика потеря, решил Он. Остальной кар был в его полном распоряжении.

От этой мысли Он расплылся в самодовольной улыбке. О водителе, конечно, и речи не шло. В отличие от презренных Maxwell'ов, готовых вилять хвостом по указке людей, публичный кар приводился в движение лишь волей всеблагого Алгоритма. Жрец в этом храме не предполагался, но вот Избранный...

Смакуя эту мысль, Он поспешил вернуться к той, первой капсуле. Хотя остальные были ничем не хуже, его почему-то влекло именно к ней. Может, это было его предназначением?

Оказавшись перед ней, Он нетерпеливым движением сбросил рюкзак и кроссовки — тащить старую грязь в этот храм чистоты казалось кощунством. Взгляд неотрывно следил за висящим на стене белоснежным обручем. Черную X впереди окружал ореол мягкого света. Стоя на коленях перед ним, Он вдруг многозначительно хмыкнул, а лицо его озарила хитрая улыбка.

Склонив голову, Он протянул руки вперед, с благоговением принимая «дар». Казалось, что вот-вот и заиграют фанфары. Торжественность этой сцены была достойна зрителя — на миг Он даже пожалел, что был тут один. Но лишь на миг.

В следующее мгновение Избранный натянул обруч на глаза и откинулся на подушку. Разумеется, места хватило.

Just as planned.

Перед глазами расцветал новый мир.

Иссиня-голубое небо, по которому медленно ползли редкие крупные облака. Оно величественно возвышалось над бескрайним морем высокой травы. Иногда сквозь прорехи в облаках пробивались лучи света, и Он невольно шурился. Внезапные порывы легкого ветра пробегали легкой рябью по поверхности луга — море было спокойным. Шелест травы нежно ласкал слух. Начальная заставка выглядела так же, как и в прошлый раз.

Он машинально поднял руку вверх, пытаясь отгородиться от очередного луча, и не сумел сдержать полный разочарования вздох — ничего не произошло. Глаза безуспешно пытались увидеть перед собой поднятую руку. Ее не было — как и пять лет назад.

Это не X-мод, напомнил Он себе. Картинка была яркой и красочной, да. Но все-таки не шла ни в какое сравнение с Откровением. Да даже с ривилом. Ветер играл травой, но не волосами; прохлада от его дуновения ощущалась на коже лишь там, где к ней прилегал обруч. Запах травы и цветов причудливо смешивался с запахом пластика капсулы, в которой находилось его тело.

Зато ни грязи, ни насекомых, — попытался Он утешить себя. Получилось слабо. Взгляд застыл, прикованный к медленно плывущему по небу облаку. Слишком медленно — Он нетерпеливо задергал ногой. Прошло пару минут, прежде чем из-за белой громады показался источник света — сияющая эмблема Proxu Inc. Очки призывно завибрировали, оповещая Избранного о своей готовности выполнять его команды.

— Карта, — произнес Он и в воздухе перед ним на расстоянии вытянутой руки появилась схематичная карта местности. Белый кружок с черной X внутри медленно двигался вдоль дорожной линии. Пульсирующее мигание выделяло его среди многочисленных прочих значков и надписей. Не удосужившись даже их изучить, Он отдалил карту. Значки и надписи съезжились и исчезли, но на их место тут же пришли другие.

Один из объектов на карте привлек его внимание. Недалеко, примерно в нескольких километрах к северу от дороги располагался крупный дата-центр. Построенный еще до Зиона, он был одним из немногих оставшихся земных облаков.

Интересно, сколько бессмертных могло поместиться на этом облаке? — возникла внезапная мысль. Десять, сто, тысяча — Он не знал. Рука сама потянулась к кресту на макушке.

Ривилы учили: там, в модуле прокси, хранился Шестиднев — последние дни жизни носителя. По числу дней, ушедших на создание Первого бессмертного. Каждую ночь он целиком уходил на облако. Вплоть до самого Выбора. Тогда происходила последняя отправка — и рождался новый бессмертный.

Но о земных облаках ривилы молчали. Как и недавнее Откровение. Возможно, на Цикле Он узнает больше.

— Но... — оборвал Он ход мыслей. — Это все в прошлом.

Его, как Избранного, ожидала другая судьба. После Выбора Он попадет на небо. Современные серверы Proxu Inc уже давно размещались только там. Он оторвал взгляд от карты и посмотрел вверх. По нарисованному небу неспешно плыли облака.

— Вам помочь? — прозвучало откуда-то слева. От неожиданности Он вздрогнул и резко повернул голову в сторону звука.

По левую руку от него стояла молодая женщина в строгом деловом костюме. Ее вид странно контрастировал с окружением. Виртуальная помощница. Распознав его долгое молчание как замешательство, очки взяли инициативу в общении на себя.

— Нет, — ответ прозвучал резче, чем ему того хотелось. — То есть да...

Он взял паузу, раздумывая, что сказать. Помощь ему была ни к чему. Но и показать, что его застали врасплох, Он тоже не мог. Не пристало Избранному пугаться виртуальных помощников.

— Как я могу к вам обращаться? — не дождавшись ответа, продолжила девушка. Стандартная фраза, за которой последовала не менее стандартная широкая улыбка. Даже если помощница что-то и заметила, она этого никак не показала. Это вернуло ему самообладание.

— Избранный, — коротко представился Он.

— Очень приятно, Избранный. Чем я могу вам помочь?

Идей не было. Но надо было ответить хоть что-то, чтобы она отстала.

— Расскажи про Цикл, — произнес Он.

— Отличный выбор! — похвалила его девушка.

Неприятно было признавать, но от ее похвалы ему на секунду даже стало приятно.

— Философия умирания, — как ни в чем не бывало, продолжила помощница. — Это дисциплина, содержащая обязательный минимум знаний, необходимый для подготовки человека к бессмертию. Она включает в себя...

Чего нельзя было сказать про ее информацию. Все это беспроксно устарело еще до его переезда в поселок. А даже если бы и нет — какой смысл. Он и не слушал. Все необходимое было в ривилах.

Со смыслом вообще было туго. Даже если бы в виаре нашлась полезная информация, на что она ему?

Он выполнил свое предназначение: получил Откровение, сел в кар, стал Избранным. Что еще?

Оставалось лишь ждать.

Он думал, что научился ждать за все годы, проведенные с отцом. Но теперь, когда его давнее желание исполнилось, Он больше не знал, чего хочет. Поэтому и выдал первое, что пришло ему в голову.

С нарочитым энтузиазмом девушка продолжала что-то вещать, но смысл был окончательно утрачен. Превратившись в неразборчивое потрескивание, ее речь чем-то напомнила ему утренний стрекот. Он слушал сверчков вполуха, погружившись в свои мысли.

Пробивающиеся из-за облаков лучи света попытались вернуть его в реальность виара, но тщетно. Мысли невольно тянуло назад. Нельзя сказать, что Он этого не предвидел.

Сомнения.

Утром Он был уверен, что с ними покончено раз и навсегда. Потому что ему нельзя было сомневаться. Даже в такой переменчивой вещи, как желания. Особенно в такой переменчивой вещи. Ведь сомнение в желании легко может стать сомнением в Выборе.

Опасность! — сиреной взвыло у него в голове. Попытка прервать поток мыслей не увенчалась успехом. Он попытался вновь сосредоточиться на словах виртуального помощника, но те беспомощно тонули в оглушительном стрекоте.

Трель с каждой секундой становилась все громче, острее, пока наконец не оформилась в тончайшую звуковую иглу. Та вонзилась ему в правый висок, стремительно проникая вглубь черепа. Одновременно с ней другая игла — луч ослепительно белого света — впиалась в правый глаз. За доли секунды до того, как их векторы сошлись в одной точке, сигнал опасности взвыл еще сильнее, но было поздно.

Мир, бывший звуком и светом, внезапно стал болью.

Сознание Алекса погрузилось во тьму.

Глава 7 Откровение. Мир боли

Мир был болью.

Мир был Светом.

Мир был Словом.

«Откровение знаменует собой последний камень, положенный Алгоритмом в фундамент будущего бессмертия», — раздался голос.

Алекс попытался повернуть голову в сторону звука, но столкнулся с непредвиденной проблемой — у него не было головы. Все его тело сковало ужасом, или так сперва показалось, потому что... тела тоже не было. Не было ничего. Только боль.

«Но не каждый фундамент способен выдержать здание, призванное стать вместилищем Света», — продолжил голос.

У голоса не было источника — он исходил сразу отовсюду и ниоткуда. Не существовало ни тембра, ни высоты, ни интонации. Или не существовало Алекса, способного их различить? Единственной доступной характеристикой голоса была боль.

«Человек не был рожден для Вечности», — невозмутимо, или так хотелось считать, продолжал голос. — «Прокси силен, но плоть слаба и первородно не годится для постройки».

Каждое слово, произнесенное голосом, отзывалось болью. Каждая мысль Алекса об этом — тоже. Весь мир был болью. Казалось, что с ним говорит сама боль.

Боль была Словом.

«Без четкого вектора, ведущего к Свету, кладка рискует пойти волной, а то и вовсе рассыпаться в глич», — произнося эти слова, боль задрожала.

В следующую секунду боль рассыпалась на миллиарды частиц, каждая из которых засверкала своим особенным оттенком. Каждая частица была уникальна и неповторима. И где-то среди них — одной из них — был сам Алекс. Он тоже сиял болью.

Боль была Светом.

«Задать такой вектор — задача Зодчего», — гремела и сверкала на все лады боль. — «Лишь Зодчий способен узреть и выровнять кривизну кладки, не дав зданию рухнуть».

Стоило последнему слову прозвучать, как все частицы боли собрались в единую Боль, вспыхнув особенно ярко. После чего свет стал гаснуть.

Вместе с ним погасла и боль.

Глава 8 Испытание веры

Алекс обнаружил себя лежащим в крошечной темноте. Голову будто сдавило извне невидимым обручем. В ушах что-то тихо потрескивало, а во рту ощущался солено-металлический привкус крови. Веки были плотно сжаты. Образ иглы света все еще стоял перед мысленным взором, отзываясь в правом глазу болезненной пульсацией.

Когда он наконец решился открыть глаза, Алекс обнаружил перед собой тусклое сияние. Оно шло откуда-то сверху. Внимательно приглядевшись к источнику этого света, он шумно выдохнул. Это было всего лишь мерцание спящего виара.

Он стянул обруч с головы. Тот неуклюже проехал по лицу, смахнув со лба капли холодного пота. Пот покрывал и остальное тело. Его трясло. Сердце билось так, словно хотело выскочить. Грудь вздымалась и опускалась в попытке удержать сердце внутри, затормозить его бешеный бег. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох—выдох.

В голове крутились образы из недавнего Откровения. Его смысл был предельно ясен: оно готовило его к Циклу. Зодчий — преподаватель философии умирания — ждал. Ждал возможности направить его, указать ему верный путь. Путь к правильному Выбору. Здесь не о чем было и думать.

Алекса пугало другое — боль. Длительная то ли миг, то ли вечность, она растворилась без следа. Приступ мигрени настиг его прямо во время использования виара. Появившись прямо перед очередным Откровением, боль как-то стала его частью.

Было ли так задумано? — он судорожно сглотнул солоноватую слюну. — Или он все испортил?

Сердце, едва успокоившись, снова начало вовсю колотить. Перед глазами поплыли темные пятна. Они напоминали бесформенные черные кляксы из первого Откровения.

Алекс не знал ответа. Но знал того, кто знал ответ. Зодчий. Эта мысль его успокоила. Оставалось лишь ждать, пока кар привезет его к нужному месту.

Ждать.

Он посмотрел вверх. Там, на боковой стенке под самым потолком капсулы, располагалась смотровая щель. Назвать ее окном язык не поворачивался: узкая полоса из темного стекла явно была декоративной и не предполагала подобного использования. Алекс все же приподнялся и попытался в нее заглянуть. Сквозь стекло расплывчато мелькали темные тени.

Он с обреченным вздохом рухнул обратно на подушку. Голова глухо стукнулась обо что-то твердое.

— Ай! — вскрикнул Алекс и не глядя отшвырнул несчастный предмет. Виар, который еще совсем недавно вызывал в нем благоговение, упал в ноги с жалобным пластиковым скрипом. Тот его разочаровал.

Алекс потер затылок рукой. От удара в голову снова вернулась боль. И, что хуже — мысли об Откровении.

Боль, испытанная во время него, была невыносимой. Невиданной. Неслышанной. Небывалой.

Разница между «знать» и «пережить» — вдруг всплыли мысли, крутившиеся в голове по пути на остановку. Симуляции X-мода создавались на основе пережитого опыта. Откровение лишь связывало между собой его собственные знания и опыт.

Боль. Он когда-то должен был ее испытывать.

Но как он ни старался, Алекс не мог вспомнить ничего хоть отдаленно похожего. От места удара вниз по шее побежали мурашки.

Возможность сбоя в Откровении по-прежнему пугала его. Но мысль о том, что Боль могла быть им когда-то пережита, страшила гораздо сильнее. Ведь в таком случае ее придется пережить еще не раз.

Если быть точным, бесконечное число раз, — с ожесточением подумал Алекс.

Каждый. Цикл. Бессмертия. Будет. Нести. В себе. Ее. След.

Словно молотом, он вколачивал в себя слово за словом. И каждый удар заставлял его тело содрогаться.

Впрочем, жестокость шла ему на пользу — страх потихоньку начал отступать. Боль отступала вместе с ним. Подушка мягко обняла его голову, и вот от боли осталось лишь приятное покалывание. Алекс прикрыл глаза, желая продлить негу. Тепло разлилось по телу, сделав его ленивым и мягким.

А вдруг еще одно? — щелкнуло внутри него. Он резко распахнул глаза и подскочил с постели. Сердце уже в который раз за сегодня пустилось в бег. Спать было нельзя. К очередному Откровению он был не готов.

Недолго думая, Алекс поднялся и вылез из ниши. Кроссовки на ноги, сумку на плечо — сборы не заняли много времени. Он решительно двинулся в сторону выхода — подождет там. Целее будет. Что-то ему подсказывало, что ждать оставалось недолго.

Как обычно, он оказался прав.

Стоило ему занять место перед выходом, как кар начал сбавлять скорость. От этого сердце в груди забилося еще сильнее. Однако теперь в его биении слышалось радостное предчувствие. Алекс непроизвольно поправил сумку на плече и сделал короткий шаг вперед.

Уже через минуту кар замер. Дверь с тихим шипением отъехала в сторону, обдав его волной свежего воздуха. В проеме показалась знакомая остановка. Алекса это не смутило — все они были на одно лицо. Даже плакат с направленным в его сторону перстом Прокси располагался там же, привычно взывая:

«Вечность — твой Выбор!»

В точку, — с легкой ухмылкой подтвердил он, спускаясь по ступенькам из салона.

Стоило обеим его ногам оказаться на твердом асфальте, как дверь за спиной снова зашипела, закрываясь. Набрав воздуха в грудь, Алекс развернулся. Его ладонь с грустной решимостью опустилась на прохладный гладкий бок. Пришла пора прощаться.

Кар в черно-белом облачении исполнил свою миссию и теперь должен был исчезнуть в закате — как и полагалось героям. Алексу тоже пора было в путь. Здесь их пути должны были разойтись.

Его отражение в темном стекле печально улыбнулось. Казалось, кар улыбался ему в ответ.

Напоследок потрепав его по панели, Алекс приложил руку к груди и слегка склонил голову в прощальном жесте. Поездка выдалась непростой, но он все-таки был ему благодарен.

Кар почему-то не двигался. По лбу Алекса пробежала складка, однако тут же распрямилась. Значит, на то воля Алгоритма.

Он поудобнее закинул сумку на плечо, обошел остановку и обмер.

На него смотрело ужасное серо-зелено-коричневое чудище. Алекс невольно отшатнулся назад. Покачнулся. Ища опоры, рука снова опустилась на прохладное тело кара. Не отрывая руки, он быстрым шагом обошел его вокруг и снова застыл на месте. Метнулся назад к остановке. Глаза и руки цепко впились в поверхность скамейки — нету.

Алекс обмяк и рухнул на нее.

— Слава Прокси, — выдохнул он с облегчением. Знакомой надписи на ней не оказалось. Не дома.

Но уже в следующий миг облегчение сменилось отчаянием. Растущие повсюду трава и кустарники. Виднеющиеся над ними крыши одноэтажных домов. Потрескавшийся асфальт.

Грязь и щебень проселочных дорог, которые к нему вели. Сквозь тихий гул работающего мотора он теперь отчетливо слышал стрекот сверчков. Такого он не мог представить себе даже в самых диких фантазиях. Поселок. Не его, но все же поселок.

Необъятный мегаполис, невиданные технологии, многотысячная толпа людей — Алекс был готов ко многому, но не к этому. В горле комом застрял вопрос. Почему? Почему он снова в поселке?

Он затряс головой, пытаясь прогнать увиденное из мыслей. Боковым зрением он различил фигуру Прокси. Тот продолжал указывать на него.

«Вечность — твой Выбор!»

Слова на плакате показались жестокой насмешкой. Неужели он обречен навечно остаться в поселке?

Нет. На глазах выступили злые слезы. Он отказывался с этим мириться. Алекс вскочил со скамейки, сжимая руки в кулаки. Это какая-то ошибка. Алгоритм привел его не туда. Он сейчас сядет в кар, и тот отвезет его, куда ему надо.

Алекс решительным шагом направился к кару. Раньше он бы не посмел тронуть публичный кар. Но сейчас — он за себя не ручался.

Тот сам виноват, что не уехал.

Он вдруг встал, как вкопанный. В памяти всплыли его собственные слова.

На все воля Алгоритма.

Кар не уехал.

Он стоял здесь, у остановки, и чего-то ждал. Что, если это проверка? Испытание веры для Избранных. Эта мысль показалась ему разумной. Но если это была проверка, как ему ее пройти?

Он не знал.

Алекс попробовал разное. Положить руку на дверь кара. Приказать ему открыть дверь. Попросить его открыть дверь. Умолять его открыть дверь. Ничего не сработало. Дверь оставалась неподвижной.

— Что за дурацкое испытание? — он бессильно ударил кулаком по двери. Алгоритм кара наверняка сообщит об этом отцу, но ему было все равно.

Вдруг из кара донеслось знакомое шипение.

Неужели все-таки получилось? — он недоверчиво смотрел на то, как дверь потихоньку отъезжала в сторону. Но уже в следующую секунду его лицо просветлело. То ли из-за иллюминации, то ли из-за улыбки.

— Yes! — Алекс торжествующе вскинул руку вверх. И кто после этого скажет, что насилие — не ответ?

Быстро утерев слезы рукой, он уже намеревался шагнуть внутрь, как вдруг из потока света выступила тень.

Алекс замер и ошеломленно уставился перед собой. Темный силуэт ему кого-то напоминал.

Он был похож на...

Глава 9 Копия

Прокси, — уже почти произнес Алекс. Нет. Конечно, это был не Первый бессмертный.

Темный силуэт в проеме принял очертания девушки. У нее было хмурое лицо. Растрепанные темные волосы, спадающие до середины шеи. Темно-серая, на несколько размеров больше, чем нужно, футболка делала ее совсем миниатюрной. Из-под длинной темной юбки выглядывали изящные щиколотки. Черные кроссовки на босую ногу завершали образ.

Она могла бы сойти за его копию. Если, конечно, не брать в расчет ее рост и свисающие с шеи массивные наушники. Ее рука коснулась черного корпуса наушников и на нем тут же загорелась белая X. Выглядело... круто.

Рассмотреть себя как следует копия ему не дала. Она легко и непринужденно сбежала по ступеням вниз и прыгнула на асфальт. Оказавшись на том самом месте, где совсем недавно был он.

Неужели кар ждал ее? — мысль вспыхнула и погасла, не успев развернуться.

Мир внезапно пришел в движение. Тихое жужжание двигателя сменилось гулким ревом. Дверь характерно зашипела и начала закрываться. Алекс тоже очнулся из оцепенения и резво поспешил внутрь. Он попытался обогнуть девушку, но...

Вскинутая рука почти уперлась ему в грудь, отделив его от заветного входа. Алекс отшатнулся назад и недоуменно уставился на свою копию. Казалось, ее рука была слишком близко и защита должна была сработать. Но не сработала.

Значит, на то была воля Алгоритма.

С глухим щелчком дверь кара захлопнулась. Алекс растерянно наблюдал за тем, как черно-белая махина удаляется от остановки. Сумка сползла с его плеча и упала на асфальт. Высохшие глаза вновь наполнились слезами.

— Соблюдай дистанцию, — безразлично бросила его копия и, развернувшись, двинулась с остановки. Ее лицо не выражало ни сожаления, ни даже заметного недовольства. Она отмахнулась от него так же буднично, как отмахиваются от мухи.

Он перевел взгляд на публичный кар. Тот уже набрал скорость и теперь гнал на всех парах, унося с собой надежду Алекса свалить отсюда.

Он снова посмотрел на свою копию.

Причина его неудачи была прямо перед ним. Его глаза опасно сузились. Это не произвело никакого эффекта — спина девушки осталась безучастной. Обогнув остановку, та деловито направилась в сторону одной из проселочных дорог.

— Эй ты! — окликнул он Копию, но та даже не обернулась. — В наушниках!

Копия остановилась и, слегка повернув голову, недовольно посмотрела на него через плечо.

— Чего? — произнесла она на выдохе.

— Ты не хочешь извиниться?! — не выдержав, Алекс перешел на крик. В его голосе звенела обида.

— Пфф, — она выпустила воздух сквозь сжатые губы. Словно ей было жалко тратить на него слова. Не теряя ни секунды, Копия продолжила путь.

Коротышка, — прошипел он про себя. — Эй! — очередной оклик остался без внимания.

Алекс не представлял, что делать в подобных ситуациях, а времени на раздумья не было. Подхватив сумку с земли и закинув ее на плечо, он поспешил за ней. Копия явно куда-то торопилась, но разница в росте не позволила ей оторваться — расстояние между ними быстро сокращалось.

Когда их разделяла всего пара метров, Копия резко развернулась и сделала шаг навстречу. Алекс, не ждавший такого поворота, отшатнулся.

Резко вытянутая вверх рука практически уперлась указательным пальцем в его подбородок. Оттопыренный под девяносто градусов большой палец придавал ей сходство с пистолетом, делая жест еще более угрожающим. Защита вновь безмолвствовала. Значит, опасности не было.

Однако заколотившееся в груди сердце было с этим явно не согласно. Поддавшись моменту, Алекс невольно поднял руки вверх.

— Проблем хочешь? — сквозь зубы процедила девушка. Ее широкие черные брови сошлись на переносице, а глаза сузились.

Уж чего-чего, а проблем Алекс точно не хотел. Но подходящих слов, чтобы выразить это, у него не нашлось, поэтому он просто мотнул головой.

В течение нескольких секунд Копия продолжала сверлить его взглядом. После чего медленно — он внимательно следил за удаляющимся пальцем — отвела руку назад.

— Бамс! — вдруг выпалила она, резко дернув кистью, словно стреляя из своего импровизированного пистолета.

Алекс опешил. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу и испытывая странную смесь обиды и восторга. Копия одарила его сверкающей улыбкой — видимо, эмоции отразились на его лице.

Явно довольная собой, она смерила его напоследок взглядом и поспешила в прежнем — одной ей ведомом — направлении.

Алекс продолжил стоять на месте, растерянно глядя вслед удаляющейся девушке.

Что это было?

В какой момент все пошло не так?

Все же так хорошо начиналось. Утренние сборы, путь до остановки, публичный кар, принадлежащий ему одному. Почти...

Она была там, — вдруг осознал Алекс. Копия. В закрытой капсуле, которую он посчитал сломанной. Прodelала весь этот путь с ним и вышла в этом глухом поселке. Зачем?

Алгоритм привел ее сюда, — сразу же родился ответ.

Внутри вновь разгорелся слабый огонек надежды. Взгляд впился в уже успевшую стать крошечной фигуру вдаль. Одета в такую же темную одежду, как и у него, она бодро шла...

...в одной ей ведомом направлении, — удивленно прошептал он. Внезапно все встало на свои места.

— Где проходит Цикл? — крикнул он, что есть мочи. Крик разнесся эхом среди проселочных дорог и стих. Секунды тянулись, но ответа не было. Не сказать, что его это удивило — девушка не выглядела особо отзывчивой. Ну, попытаться все равно стоило.

— Значит, переходим к плану Б, — тихо пробормотал Алекс. Никакого плана Б у него, конечно, не было. Но сдаваться так просто он не собирался.

Вдруг краем глаза он заметил вдалеке резкое движение. Копия вскинула руку вверх и, казалось, куда-то указывала. Алекс поспешил проследить направление взглядом и едва успел. В следующий миг она повернула за угол и пропала из виду.

— Спасибо! — запоздало бросил он ей вдогонку. Реакции, конечно же, не последовало. Алекс задумался. Особых причин доверять Копии у него не было. Но с другой стороны — зачем ей врать?

Поиздеваться? — мысленно ответил он сам себе. И тут же отрицательно помотал головой. Для такого Копия казалась слишком простой. Простоватой, да, простоватой.

В любом случае, чем не план Б?

Алекс окинул взглядом уходящую вдаль проселочную дорогу. Покрытая битым красным кирпичом, та выглядела зловеще. Он сделал глубокий вдох, решаясь.

— Ну, значит, туда.

И переступил через бордюры.

Солнечный круг медленно полз на запад. Алекс, следуя указанию девичьей руки, шел за светилом. Черная тень, вырастающая из его ног, молча плелась за ним. За тенью не было никого.

Сколько он уже шел так?

Если верить ноющей тяжести в ногах — долго. Но Алекс не знал, стоило ли ей доверять. В самом начале пути кирпичи были почти целыми: идти по ним было куда сложнее, чем по мелкой кирпичной крошке, которая хрустела под ногами сейчас. Возможно, дело было в этом.

Он остановился, давая ногам передышку, и огляделся по сторонам. Все вокруг пестрело красным. Кирпичная дорога, которая, хотелось верить, приведет его на Цикл. Ржа на покосившихся заборах, над которыми стыдливо выглядывали крыши одноэтажных построек. Окрашившиеся к осени листья одичавших садов. Небо пока еще держалось, но и оно скоро должно было покраснеть.

Наверное, можно было оценить пройденное им расстояние по солнцу, сообразил он. Алекс внимательно пригляделся к теням, стелющимся вдоль заборов.

Наверное.

Те были совершенно неподвижны. Казалось, кто-то просто разлил по дороге темную краску. Вдруг от ближайшей тени отделилась крошечная часть и пронеслась прямо перед ним, едва касаясь земли. В пару прыжков оказавшись у дерева, кошка продолжила бег уже вертикально — пока наконец не растворилась в тени кроны.

Не похоже, чтобы у нее был хозяин. Как и у всего вокруг.

Знакомая картина.

Алекс медленно двинулся дальше.

Еще вчера он шел вдоль таких же домов у себя — Алекс хмыкнул — у отца в поселке. Садясь в кар, он надеялся, что прошлое останется в прошлом. Он невольно оглянулся назад. Темная тень неотступно следовала за ним по пятам. Если забыть обо всем случившемся сегодня, легко было представить, будто он никуда и не уезжал.

Алекс мрачно ухмыльнулся — такое забудешь.

Непрерывная вереница образов выстроилась яркими пятнами перед внутренним взором. Она отделяла сегодня от вчера непреодолимым расстоянием. Именем этому расстоянию было...

Мысль споткнулась. Он собирался продолжить: «Откровение», — но вдруг понял, что дело было не только в нем. Было ли вообще у проделанного им пути имя?

Погруженный в свои мысли, он и не заметил, как дошел до очередного перекрестка. Дорога из красного кирпича обрывалась, упираясь в асфальтовое полотно. Не без ям, конечно: засыпанные кирпичной крошкой, они алели, словно старые раны.

Взгляд скользнул дальше и застыл, прикованный к зданию на другой стороне дороги. Когда-то там был магазин или кафе. Теперь здание тонуло во мраке. Надпись на выцветшей вывеске — «Рубин» — едва читалась. Зеленая краска на стенах потускнела и местами облупилась. За пыльными окнами чернела пустота.

Даже солнце отвернулось от него — тень от здания уже расплзлась по дороге. Тем страннее было видеть у двери живой, сияющий неоновым вендинговый аппарат. Увиденное было настолько невероятным, что Алекс ущипнул себя за мочку уха.

— Ай.

Витрина автомата продолжала светиться в темноте. Ряды снеков бесстыже манили своими глянцевыми формами.

Снизу раздалось яростное урчание — голод, молчавший с самого утра, настойчиво заявил о себе. И, не дожидаясь ответа, тут же взорвался болью. Ее мелкие осколки разлетелись

по всему животу. Алекс сложился пополам, оседая на асфальт. Рюкзак упал рядом. Преодолевая судорогу, он достал початый пакет с крекерами и высыпал остатки себе в рот. Во рту было пряно и сухо. Не считая пары глотков воды из-под крана утром, Алекс сегодня ничего не пил. С тех пор как кар привез его сюда, ни одной колонки ему не встретилось.

Новый взрыв боли случился раньше, чем он успел прожевать крекеры. Голод был безжалостен. Он мысленно взмолился о прощении, наглаживая живот свободной рукой. Слюна запоздало, но все же появилась. Наспех все прожевав, Алекс отправил пищевой комок в желудок и замер.

Секунды тянулись, но нового взрыва не последовало. Первая волна голода отступила. Пока.

Алекс знал, что боль скоро вернется. Его принципиальность в отношении отцовской еды имела свою цену. Он поднял взгляд. Там, на темной стороне улицы, по-прежнему светился автомат. В нем была еда.

В руке хрустнула пустая пачка крекеров.

— Печеньки... — голос звучал хрипло. — И что-нибудь попить.

Алекс быстро пересек улицу и не колеблясь вошел в тень. Автомат встретил его радостным гудением. Алекс положил руки на прохладную поверхность витрины и та задрожала от его прикосновения. Скоро к ней же прильнуло его лицо. В стекле отразился жадный блеск глаз. Пальцы нетерпеливо забарабанили по поверхности, пока взгляд скользил по полкам, изучая содержимое. Вдруг он остановился — нашел.

Огонек в его глазах вспыхнул еще ярче, а рот тут же наполнился слюной. Печенье и близко не могло вызвать такой реакции. Еще бы. Ведь там, в пятнадцати сантиметрах от него, лежал сникерс!

— Последний, — выдохнул он с тихим трепетом. Кто-то из местных явно сюда захаживал — это немного расстраивало. Но гораздо сильнее ощущался восторг. Сникерс будто бы предназначался ему.

Восторженные мысли грубо прервал заворочавшийся внизу желудок. Нужно было спешить. Следующая волна голода неумолимо приближалась.

Сникерс был тут. Оставалось только его достать. Вопрос — как?

Для покупки нужны были старые деньги — кредиты прокси автомат не принимал. Впрочем, у него не было ни того, ни другого. Несмотря на пришедшее Откровение, родительский контроль продолжал действовать. Алекс скривился. Но уже в следующий миг на его лице расцвела хищная ухмылка:

— Зато было кое-что получше.

Взгляд забегал по сторонам в поисках подходящей палки. А в памяти сами собой начали всплывать события недавнего, но бесконечно далекого прошлого: обещание сделать Выбор сразу после Цикла, ужесточение родительского контроля, двухлетнее заточение в антикварной лавке — и запрет вкусняшек. Взгляд остановился на растущей неподалеку молодой поросли сорного клена. Идеально.

Алекс направился к ней, по пути засовывая в карман пустую упаковку. Съеденные недавно крекеры были единственным снеком, который отец, хоть и нехотя, но приносил домой. Только они и позволили ему выдержать два года «домашней еды». Та, вместе с родительским контролем, стала еще одной частью его наказания. Два года. Огромный срок, если подумать.

Что удивительно — злости на отца не было. Лишь легкий азарт и... что-то вроде благодарности? Время, проведенное в поселке, научило его не только охотиться, но и «рыбачить».

Он подломил один из побегов клена у самого основания и с силой дернул. Полоска сизо-зеленой коры взметнулась вверх по пруту, не желая отдавать его чужаку, но вскоре сдалась и безвольно повисла над землей. Безжалостно оборвав листья, Алекс вытянул палку перед собой и принялся ее изучать. В его руке лежала идеальная «удочка» — достаточно прямая палка тол-

щиной с мизинец и длиной около метра. Он удовлетворенно хмыкнул и направился обратно. Остальное было делом техники.

Оказавшись перед автоматом, Алекс тут же опустился на колени. Пальцы поддели край крышки выдачи — и через несколько секунд та с легким скрипом пошла вверх. Ловким движением «удочка» проскользнула внутрь устройства и вскоре появилась за стеклом. Кряхтя от усердия, Алекс пытался попасть кончиком палки в цель — удерживающую лакомство спираль. Всего лишь пара десятков попыток — и ему это удалось.

Сникерс, словно нехотя, наклонился, замер на краю на долю секунды — и с глухим стуком победно рухнул вниз.

Миссия выполнена.

Алекс удовлетворенно улыбнулся и вытащил трофей. И тут его взгляд уперся в чьи-то ноги. В знакомых черных кроссовках.

Черные укороченные джинсы и того же цвета рубашка с поднятым воротом поверх футболки — с прошлой встречи Копия успела сменить облик. Но не выражение лица: оно по-прежнему оставалось недовольным. Она пристально изучала скорчившегося у автомата Алекса — словно назойливое насекомое. Вредное или нет? Раздавить или пройти мимо?

Воцарилась тишина, которую прерывало только мерное гудение автомата.

— Привет, — решил нарушить молчание Алекс. Но его решимость не возымела эффекта — молчание не дрогнуло. Лишь пухлые губы девушки вытянулись в трубочку, а глаза слегка сузились. Уголки ее зрачков были такими же черными, как и наушники, едва видневшиеся за поднятым воротом рубашки. Иксы на них не горели. Взгляд Копии, медленно курсирующий между автоматом, «удочкой» и зажатым в руке сникерсом, был красноречивее любых слов.

«Проблем хочешь?» — эхом прозвучало у него в голове. Проблем он по-прежнему не хотел, но и добычу отдавать был не готов.

Копия занесла ногу. Медленно — невообразимо медленно — та опустилась на землю всего в нескольких сантиметрах от его руки. Алекс внутренне выдохнул с облегчением: все-таки «пройти мимо». Он тут же спохватился. Защита не позволила бы ей выбрать другой вариант. Странно, как быстро в ее присутствии он почти отвык на нее полагаться.

Обойдя его по дуге, Копия подошла к автомату и ткнула в одну из кнопок. На небольшом экранчике высветилось требование оплаты.

Алекс тем временем поменял позу. Облокотившись левой рукой на согнутое колено, он внимательно наблюдал: что же случится дальше. Копия никак не отреагировала на его телодвижения. Ее рука опустилась в задний карман джинсов и достала оттуда монетку. Вскоре та исчезла в прорези рядом с экраном. Стоило автомату зафиксировать оплату, как ее рука резко взмыла вверх — и, словно соединенная с ней невидимой нитью, монета вновь вернулась в кулак.

Магия? — промелькнула в голове нелепая мысль, но Алекс тут же ее отбросил. В самый последний момент в воздухе вспыхнул тонкий отблеск — леска. Копия тоже «рыбачила». И он должен был признать — делала это мастерски.

Она повторила манипуляцию несколько раз — автомат весело дзинькнул — и тут же внутри что-то заворчалось и зашумело. Из его недр появился бумажный стаканчик, в который спустя пару мгновений полились две струи. В воздухе распространился приятный аромат свежесваренного кофе. Этот запах и близко не мог сравниться с быстрорастворимым.

У Алекса вновь выделилась слюна, а желудок угрожающе заворчал. Он был уверен: еще немного и тот разразится очередной волной боли. Он машинально сжал сникерс — голод можно было утолить прямо сейчас. Но что если сыграть по ее правилам?

Кажется, он понял принцип. Это было похоже на его охоту. Только целью его игры было, чтобы защита сработала, а ее — чтобы нет. И, похоже, она в этом изрядно наловчилась. Но если получилось у Копии, получится и у него.

При мысли о блаженстве, которое могли подарить только кофе и сникерс вместе, он невольно зажмурился.

Когда он открыл глаза, взгляд сразу впился в стаканчик. В него тонкими струйками продолжал литься кофе. Струйки становились все тоньше и наконец иссякли. Действовать нужно было быстро.

Время замедлилось. Автомат протяжно дзинькнул и почему-то стал светиться ярче. Копия протянула руку к стаканчику, но Алекс был быстрее. С ослепительной скоростью его рука дернулась вперед, преградив путь к кофе.

Пауза.

Копия медленно провела взглядом от мешающей ей взять кофе лапы к ее хозяину. Ее глаза округлились и странно заблестели — она явно недооценила его прыткость. Не дав ей опомниться, Алекс резко вытянул другую руку вперед.

— Поделим!

В этот выкрик он вложил все сразу: мольбу, торг, угрозу. Это была его лучшая ставка. Алекс постарался придать себе уверенный вид, но в его планы вмешалась боль. Новая волна была гораздо сильнее предыдущей.

Желудок скрутило резкой судорогой. Из глаз, казалось, полетели искры. Его руки дернулись к туловищу и разжались — сникерс глухо упал на землю. Но Алексу было не до этого: он вцепился освободившимися руками в горло, пытаясь сдержать рвавшееся наружу нечто. Едкая смесь полупереваренных крекеров и желудочного сока заполнила рот, мешая ему вздохнуть. Страх проблем, азарт добычи, предвкушение сладости — все это перестало иметь значение, когда появилась боль. В глазах потемнело и, казалось, само сознание стало меркнуть.

Судорога разорвала темноту.

Пауза.

Еще одна поменьше. И снова тишина.

В этот раз тишина продлилась долго.

Конец, понял Алекс и открыл веки. На глазах стояла пелена слез. Сколько времени прошло? Пять, десять минут? Час?

Узнать было не у кого.

Он был совершенно один.

Небо уже успело покраснеть. Цикл. Нужно спешить. Голод заставил его забыть про свою цель. Или жадность, — мелькнула невольная мысль. Не важно.

Теперь, когда боль отступила, не было повода беспокоиться ни о том, ни о другом. По крайней мере до завтра. Тем более, что добыча упущена. В том, что Копия забрала сникерс с собой, Алекс не сомневался.

Он поднялся с асфальта и начал отряхиваться. Дойдя до штанов, он замер, увидев под ногами яркое пятно. Прямо перед ним в пыли лежал нетронутый сникерс. Его глаза удивленно расширились.

Алекс медленно поднял взгляд на автомат. В отсеке выдачи стоял стаканчик с кофе. Он протянул к нему руку, не веря своим глазам, — полный.

Полный остывшего кофе.

Глава 10 Призраки

Алекс стоял возле автомата, крутя в руках пустой бумажный стаканчик. Он только что затолкал в себя сникерс, запив его остатками холодного кофе. Еда провалилась внутрь тяжелым комом, не вызвав никакой реакции.

Ожидаемого блаженства не случилось. Более того — он не чувствовал ни вкуса, ни насыщения, ни даже боли. Желудок уже сказал ему все, что о нем думает, и теперь молчал. Тело словно онемело. Тишину прерывало лишь монотонное гудение автомата. Алекс чувствовал, как оно просачивалось сквозь уши в голову, становясь мыслями. Одна мрачнее другой.

Он проиграл Копии. Полностью. Позорно. Имел ли он право вообще называть ее Копией, если рядом с ней оригинал казался хуже во всем?

Стыд ледяной хваткой взял Алекса за грудки и со всех сил начал трясти — тело содрогалось в крупной дрожи. словно прошлая его решимость была взята в долг, и теперь стыд вознамерился вытрясти ее последние остатки. Он не смог сам попасть на Цикл, сам добыть себе еду, — что он вообще сделал сам?

Алекс прижался спиной к автомату, запрокидывая голову назад и закрывая глаза. Затылок глухо стукнул о металлический корпус.

Ему помогли. Над ним сжалились. Дважды.

Он хотел в злости сжать кулаки, но не было ни злости, ни силы. Только усталость. Она была настолько сильной, что его начало тянуть к земле.

Может, все бросить и вернуться к отцу.

От этой мысли, даже не вопроса, Алекса затрясло еще сильнее. В голове отрывками всплывали образы: уронивший голову на стол отец, его тяжелое, спертое дыхание. И — будто не его — мысль: «Просто выношу мусор». Сердце застучало в висках.

Как же стыдно.

Сейчас он ощущал мусором себя. Нет, он был им. Невыносимо тяжелым и мерзким мусорным мешком, оставленным кем-то посреди пустого города. Кем-то — его лицо болезненно скривилось. Девушка ушла, не вынеся его общества. Алекс не мог ее винить — сам себя он тоже не выносил.

Алекс пошатнулся. Из его ослабевших рук, словно из переполненного мешка, выпал и покатился по асфальту бумажный стаканчик. Казалось, еще немного — и он весь рассыпется.

И ведь он еще даже не приступил к прохождению Цикла. Даже не нашел места. Даже не знал, где его искать. Даже... — поток самобичевания неожиданно прервался.

Алекс заморгал глазами и прищурился, пытаясь рассмотреть что-то вдаль, на противоположной стороне улицы.

Там, в одном из окон двухэтажного кирпичного здания, определенно горел свет. Алекс не знал, горел ли он раньше. Если честно, ему было все равно. Внутри него затеплилась призрачная надежда.

Яркий прямоугольник горел на фоне алого неба, словно указывая Алексу путь. Но это был другой свет. Он мало походил на выжигающее сетчатку сияние кара.

Тот — ослепительно белый — воспламенял душу призывом: ты — единственный.

Этот же — теплый, ламповый — обещал иное.

Ты не один.

И, словно отвечая на него, потухший взгляд Алекса полыхнул новой искрой. Он оттолкнулся от автомата и сделал первый шаг — к лежащему на асфальте стаканчику.

Пора вынести мусор.

Через пару минут Алекс уже стоял перед нужным зданием. Вблизи оно впечатляло.

Двухэтажный особняк из красного кирпича молчаливо возвышался над приземистыми лачугами окрестных домов. От его центральной части, выступавшей вперед полукругом, разбегались два крыла. Высокие арочные окна, зубчатые выступы на крыше, массивная деревянная дверь. Здание напоминало небольшой замок. В лучах закатного солнца его краснота казалась кровавой.

Внезапный порыв ветра заставил Алекса поежиться от холода. Поправив лямки рюкзака, он медленно поплелся к двери.

Поселок и без того выглядел старым, но это здание было по-настоящему...

«Антикварным» — шепнул ему ветер. Или память. Алекс вздрогнул. Он знал: именно в таких местах обычно селятся призраки. В другой раз эта мысль могла бы вызвать воодушевление, но не сейчас. Он тяжело вздохнул. Сил на это не было от слова совсем.

Подойдя к двери, он поднял взгляд вверх. Свет в окне, который привел его сюда, уже успел погаснуть. Но в трех других, на первом этаже, он сиял теплым желтым огнем. В доме точно кто-то был. Кто-то живой.

Он обхватил ручку двери и осторожно потянул ее на себя. Несмотря на свои внушительные размеры, дверь поддалась на удивление легко.

В прихожей было темно. Тусклого уличного света не хватало, чтобы разогнать клубившуюся тьму. Но хватило, чтобы понять главное: внутри дом был таким же старым. Большого и не требовалось.

Алекс шагнул внутрь.

Пространство за порогом встретило его ветхим запахом и скрипом половиц. Призраки тут и правда были — на секунду ему показалось, что он вернулся в дом отца. Сердце тревожно застучало. Сходство было столь сильным, что Алекс невольно принюхался. К счастью, местный воздух не содержал в себе едких паров алкоголя. Несмотря на растущую в нем тревогу, он продолжил идти вперед.

Впереди находилась еще одна дверь, ведущая вглубь дома. Алекс подошел к ней вплотную и прислушался. Тишина. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В отличие от прихожей там царила кромешная темнота. Если не считать тонкой полоски света из-под двери. Туда-то ему и было нужно. Рука сама потянулась к шраму на макушке. Гоня прочь мысли о призраках, Алекс перекрестился и шагнул во мрак.

Он дошел до полоски света почти наощупь. Рука потянулась вперед, нащупывая в темноте ручку двери. Вдруг из-за двери послышался мужской голос. Глухой звук человеческой речи не складывался во что-то осмысленное, но его интонации — размеренные и ровные — действовали на Алекса успокаивающе. Он решил и повернул ручку.

Дверь отворилась практически бесшумно. Теплый золотистый свет, лившийся из проема, заставил его глаза сомкнуться. Но не от боли — свет не обжигал, скорее согревал и даже... убаюкивал. Накопившаяся за день усталость разом обрушилась на него. Алекс с трудом разлепил глаза и, отчаянно борясь с подкатившей зевотой, осмотрелся.

В глаза сразу бросились стоящие в три ряда столы со стульями. Комната напоминала учебный кабинет или лекционный зал. У противоположной от входа стены располагался еще один стол — побольше. Склонившийся над ним мужчина был одет в черную рубашку с закатанными рукавами. Лица с такого ракурса было не разглядеть, но судя по черным с сединой волосам, тот выглядел ровесником отца.

Мужчина водил по столу пальцем и что-то тихо бормотал себе под нос. Что именно, понять было невозможно — слишком далеко. Алексу удалось разобрать буквально пару слов: «последний» и «человек». Это ему ничего не говорило.

— Извините, — нерешительно произнес Алекс.

Незнакомец оторвал взгляд от стола и посмотрел на него. У него были голубые глаза, отметил Алекс про себя. Они смотрели пронзительно и одновременно будто с легкой насмешкой.

— Алексей? — вкрадчиво поинтересовался мужчина.

Сон сразу как рукой сняло.

— Да? — изумленно выдохнул Алекс. — Но... откуда?!

Мужчина широко улыбнулся.

— Профессор Агилов. Преподаватель философии умирания.

Алекс стоял перед дверью комнаты, на ближайшую неделю ставшей его. В голове был вопрос.

Как?

Он недоверчиво посмотрел на ключ в руке с номером 21, словно бы ища у него ответа. Ключ ответил холодным молчанием. Алекс перевел взгляд на дверь — висевшая на ней металлическая табличка содержала ту же последовательность цифр.

Как так вышло?

Мужчина, представившийся преподавателем по философии умирания, передал его Алексу вместе с пожеланиями отдохнуть и набраться сил перед завтрашним занятием. И вот, поднявшись по лестнице на второй этаж, он оказался здесь.

Ключ продолжал молчать, всем своим видом показывая, что он здесь не для этого. Оставив раздумья, Алекс вставил его в замочную скважину и повернул — внутри что-то щелкнуло. Он нажал ручку, раздался еще один щелчок, и дверь распахнулась внутрь.

Он сделал шаг в комнату и огляделся. Кровать с тумбочкой, шкаф возле окна, письменный стол со стулом. Все выглядело ожидаемо старым. Немудрено. Словно внутри такой древности могло быть что-то иное. Он щелкнул выключателем рядом со входом и в комнате вспыхнул приглушенный свет.

Прикрыв за собой дверь, он бросил сумку на пол у порога и подошел к окну. Желтые трапеции света освещали землю возле лекционного зала, как его окрестил для себя Алекс — профессор не спешил идти спать.

Как так получилось?

В третий раз задал он себе тот же вопрос.

Алекс посмотрел на свое отражение в стекле. Прозрачный силуэт посмотрел в ответ. Складки на его лбу выражали глубокое недоумение. Ответа у него тоже не было.

Еще полчаса назад Алекс валялся на земле возле автомата со снеками, потерянный и совершенно беспомощный. А теперь у него была своя комната, преподаватель и какое-никакое понимание, что будет завтра. Он пожевал губы, удивленно покачивая головой из стороны в сторону.

«Пути Прокси неисповедимы» — шепнула из памяти мама. Ее фраза пришла на помощь, восполнив его собственную нехватку слов.

Явления сегодня не было. Не будет его и завтра. И так до самого конца Цикла. Можно ли сказать, что он соскучился?

Отражение в стекле с сомнением замотало головой.

Но беседа с маминной прокси, всегда предсказуемая и понятная, ему бы сейчас точно не помешала. Однако Алгоритм поблажек не делал. Как говорится, во избавление от глича.

Алекс рефлекторно вскинул руку и дотронулся до креста на макушке. Отражение повторило этот жест за ним и с досадой отвернулось. Алекс отвернулся вместе с ним и отошел от окна.

В завершение дня было бы неплохо помыться, но он не знал, есть ли здесь душ. А узнавать... усталость тут же навалилась всем своим весом, не давая ступить и шагу.

Нет, не сегодня.

Он снял с себя запачканную пылью одежду, выключил свет и лег в кровать.

Понедельник — день тяжелый. Но завтра его ждал еще более трудный день.

Глава 11 Откровение. Выбор

Черный прямоугольник двери распахнулся наружу и в открывшийся проем хлынул поток Света, заполняя все вокруг.

Пространство, вобравшее в себя Алекса, стало оживленной улицей мегаполиса, как в самых буйных его мечтах. Где-то здесь должен быть знак Proxu Inc — но его не видно.

Необъятная колышущаяся масса, состоящая из теней и силуэтов, окружала со всех сторон. Со все возрастающей скоростью его тело несло куда-то вперед. Влекло ли его волнами этого многоликого моря, или он двигался сам — непонятно. Скорость была такой, что все вокруг превратилось в размытые полосы Света.

Наверное, так ощущают себя птицы или летучие мыши. Был ли он птицей, человеком — или чем-то между? Невозможно различить. Все слилось в мерцающем сиянии.

Вспышка. Резкое торможение. Бесчисленное множество рук, ртов, глаз, обращенных к нему. Он абсолютно голый. Нет, не весь — светящееся облако Света ниже пояса. Бесконечные ряды кресел, занятых светящимися силуэтами.

Где он?

На сцене — внезапно пришло осознание. Алекс должен выступать перед ними. Они ждут. Исполненные ожиданием взгляды прожигают кожу; возгласы и смех оглушают невысказанным требованием; мерно смыкающиеся ладони задают ритм его движениям. Он — актер.

Их взгляды, слух, интерес — все в его руках. Перед глазами очертания ладоней: в левой зажат сникерс, в правой импровизированное оружие — палец-пистолет. Они ждут — что он покажет им?

Нужно сделать Выбор. Рука приближается ко рту. Щелчок. Голова взрывается. Чем — болью, конфетти, аплодисментами?

Занавес.

Глава 12 Троица

Алекс открыл глаза.

Его взгляду предстала желтовато-белая штукатурка, по которой расползалась сеть трещин. Как дома и не как дома. Он повернулся на бок и пружины кровати тихо заскрипели. Вместо сверчков, — подумал он.

Пробивавшийся сквозь окно солнечный поток высвечивал парящие в воздухе частички пыли, заставляя их сиять. Утро наступило.

Алекс прикрыл глаза — в темноте под веками заплясали разноцветные огоньки — словно конфетти. Он часто заморгал и слегка потряс головой, отгоняя привязавшийся образ. Сегодня должен начаться Цикл.

Сколько времени? — поднялась было тревога, но он быстро взял себя в руки. Профессор вчера не упомянул время начала занятия, поэтому формально он никуда не опаздывал. Хотя, конечно, тянуть время не стоило. Мало ли.

Сборы не отняли много времени: было бы что собирать. Он достал из сумки один из лежавших там комплектов серой одежды. Натянув футболку, штаны, кроссовки, Алекс как смог пригладил торчащие волосы — и в принципе был готов.

Ах да, ключ. Он лежал на подоконнике, там же, где он оставил его вчера. Алекс не привык пользоваться ключами: в поселке кроме них с отцом почти никто не жил, и двери дома не закрывались.

Стоило открыть дверь, как в ноздри ударил терпкий запах кофе. И чего-то еще — он не смог различить. Желудок нетерпеливо заворчал. Алекс спешно закрыл дверь на ключ и поспешил вниз по лестнице.

Холл первого этажа, через который он вчера пробирался наощупь, был освещен лампой. Алекс закрутил головой в поисках источника кофейного аромата. Ага. Тот исходил из комнаты прямо напротив лекционного зала. Дверь в нее была приоткрыта.

Оттуда же исходил и другой, менее приятный запах. Он сопровождался еле слышимым шкворчанием масла — внутри явно что-то готовили. Алекс нахмурился и, осторожно приблизившись к дверному проему, заглянул внутрь.

Комната оказалась весьма просторной. Даже больше, чем лекционный зал. Она была залита ярким солнечным светом, проникавшим внутрь через три высоких окна. На кухне, а это была именно она, было все, что Алекс ожидал там увидеть. Длинный деревянный стол, окруженный со всех сторон стульями. Множество шкафов и полок, заставленных посудой и утварью. Конечно, вся мебель была старой.

Было и нечто неожиданное. Его преподаватель — Агилов или как-то так — деловито готовил что-то у плиты. Тот был настолько увлечен своим занятием, что даже не заметил его появления.

— Профессор?.. — осторожно позвал Алекс.

Профессор на миг повернул голову, чему-то кивнул, после чего снова отвернулся. Так что отвечала парню уже его спина.

— О! А вот и последний человек, — бодро воскликнула спина профессора. — Как спалось?

Алекса немного задело, что он был последним. Однако ответить ему на это было нечего. Стоило сказать спасибо, что он вообще сюда добрался. К тому же его гораздо больше удивляло занятие профессора.

— Вы... — Алекс запнулся на полуслове. — Готовите еду?

— Да, жарю яйца! — тот говорил об этом с нескрываемым удовольствием. — Вы, наверное, проголодались?

Желудок Алекса ответил за него одобрительным урчанием. К его лицу прилила краска.

— Отлично! — счел нужным прокомментировать профессор. — Скоро будет готово. Вы пока присаживайтесь.

Алексу не оставалось ничего другого, кроме как последовать его предложению. Выбрав один из стульев, он сел и попытался собрать мысли в кучу. Но очередной вопрос профессора не дал ему это сделать.

— Кофе будете?

Алекс кивнул.

Реакции не последовало.

Да и не могло — понял он — профессор же стоял к нему спиной.

— Да, спасибо, — поспешно добавил Алекс.

— Хорошо, здесь как раз на троих.

Троих?

Алекс невольно огляделся по сторонам. На кухне кроме них двоих никого не было.

Вдруг со стороны плиты донесся писк, потом что-то щелкнуло, и звуки готовки стихли. Вскоре профессор повернулся, держа в руках две чашки с кофе.

Одну — с красным яблоком — он протянул Алексу. Из другой — с надписью AGI и красным сердцем — профессор отхлебнул сам и довольно крякнул.

— Спасибо, — растерянно произнес Алекс, принимая чашку. Но его взгляд был направлен на еще одну чашку, третью. Она стояла пустой на столешнице рядом с плитой. На ней не было каких-то опознавательных знаков. Просто белая чашка.

— К нам еще присоединится моя помощница, — словно прочитав его мысли, добавил профессор.

Алекс перевел взгляд на него.

— А остальные? — произнес он хриплым голосом. Перед глазами возник образ девушки в черном.

— Вы пейте, — профессор добродушно улыбнулся.

Алекс наконец обратил внимание на чашку в своих руках. В ней был кофе. Свежесваренный. Наверное, вкусный.

Он отхлебнул и понял, что не ошибся.

— Что касается вашего вопроса, — продолжил профессор. — Их нет!

Он развел руками.

— Нет? — Алекс не понимал.

— Только Вы, Ваш покорный слуга, — профессор церемонно склонил голову. — И Катерина. Вы — единственный слушатель данного цикла.

Алекс не знал, радоваться ему или расстраиваться. С одной стороны он был Избранным. Но разве избранных не должно быть больше?

На кухне повисла тишина.

— Или соучастник, — выдержав паузу, добавил профессор и хитро прищурил глаза. — Впрочем, это уже Вам решать.

Вдруг его взгляд переместился Алексу за спину, а на лице вновь разгорелась улыбка.

— Легка на помине, — воскликнул профессор. — Мы как раз о тебе говорили. Знакомьтесь, Катерина, Алексей.

Алекс, — хотел он поправить профессора: тот снова назвал его именем, данным при рождении. Но внезапно лишился слов.

На входе стояла Копия.

Она была одета в точности, как вчера: в черную рубашку поверх футболки и укороченные джинсы. На шее висели наушники с иксами — сегодня они также не горели.

Взгляд Копии — или, как теперь следовало ее называть, Катерины — лишь скользнул по Алексу, устремляясь к профессору. Достигнув цели, ее взгляд потеплел, и лицо девушки озарилось встречной улыбкой.

— Доброе утро, профессор! — прошебетала она.

Алекс смотрел на происходящее с недоумением. Копия-Катерина была способна и на такие интонации? Она отличалась от себя вчерашней так же, как свежесваренный кофе в его руке отличался от растворимого.

Алекс вдруг ощутил на языке вкус сухого кофе, закинутого в рот перед отъездом, и поморщился. Стремясь отогнать неприятное воспоминание, он поскорее отпил из кружки. Язык окутала приятная горечь, в которой хотелось задержаться подольше.

Профессор тем временем не поддержал веселый тон девушки и выжидательно смотрел на нее. Игра в гляделки продлилась недолго — Катерина вздохнула, признавая свое поражение. После чего повернулась к Алексу и представилась:

— Кейт.

Кейт. Катерина. Копия. Три К.

Кейт, — повторил он про себя, неторопливо гоня кофе во рту — словно бы пробуя имя на вкус. Затем он попробовал оставшиеся два. Кейт ему понравилось больше. И тут же почувствовал внутри себя тревогу.

Почему профессор не называет ее крестным именем? Неужели он не боится глича? — роились в его голове вопросы. Алекс не беспокоился по поводу времени: настал его черед заставлять девушку ждать.

— Алекс, — наконец произнес он, проглатывая кофе. — Рад знакомству.

Он постарался придать голосу вежливый оттенок, но победные нотки все-таки смогли прорваться наружу. Кейт скрипнула зубами, но ничего не сказала.

— Вот и отлично, — ответил профессор вместо нее. Затем неодобрительно покачал головой и добавил:

— Конечно, эти ваши позывные. Эффективность записи перестала зависеть от языка сколько, десять-пятнадцать лет назад?

— Профессор! — Алекс не сдержал крика, пораженный таким кощунством. И, к своей неожиданности, услышал такой же возглас Кейт. Это его смутило. Он поспешил отвести глаза, чтобы ненароком не поймать на себе злобный взгляд девушки. По сути, профессор был, конечно, прав. Но говорить такое вслух?

Профессора эта ситуация, кажется, лишь забавляла.

— Ладно, ладно, — он примирительно поднял руки. — Зато какой командный дух...

— Профессор, — произнесла Кейт уже спокойнее, однако в ее голосе звучали знакомые Алексу стальные нотки. Кажется, профессор тоже это почувствовал и поспешил сменить тему:

— Давайте есть, а то все остынет. Катерина, ты мне не поможешь?

Не дожидаясь ответа девушки, он повернулся к плите и начал наливать кофе в последнюю чашку. Кейт молча подошла к одному из шкафов и стала доставать оттуда тарелки. Одна, другая. Рука потянулась к дверце, но дрогнула — девушка презрительно взглянула на Алекса, — и достала еще одну.

Он безмолвно наблюдал за тем, как они накрывают на стол. Профессор подавал девушке бело-желтую жареху, а та вилкой помогала раскладывать ее по тарелкам. Пре-подаватель и его помощница. Какой абсурд. Наружу из него вырвался истерический смешок, а на глазах выступили слезы.

Профессор с помощницей посмотрели на него и переглянулись, но Алексу было все равно. Мир его ожиданий рушился под весом накладываемых на тарелку жареных яиц. Может быть, это какой-то розыгрыш? — промелькнула шальная мысль.

— Что, не этого ждали? — профессор хитро улыбнулся.

Похоже, Алекс произнес последнюю мысль вслух.

— Нет-х, — он попытался ответить серьезно, но ему не позволил смех.

— То ли еще будет, — пообещал профессор, ставя тарелку перед парнем. — Ешьте.

Алекс настороженно изучал содержимое тарелки. Глазунья. Два выпученных желтых «глаза». Поблескивающие на солнце, они казались почти живыми. И чем дольше он смотрел на них, тем сильнее становилось это ощущение. Казалось, что он смотрел в бездну, а она — желтым немигающим взглядом — взирала в ответ. По спине пробежал холодок. Он осторожно коснулся желтка вилкой — тот задрожал, разрушая иллюзию.

Как это можно есть? — содрогнулся он внутренне, но озвучить этот вопрос не решился. Впрочем, ответ был у него перед глазами — Агилов с Кейт уже завершили трапезу и теперь попивали кофе, мило о чем-то беседуя.

— Катерина, — весело произнес профессор. — Ты не находишь удивительным, что даже в этой глуши нас смогли найти?

Нет, не о чем-то. О нем — понял Алекс, но не подал вида.

— Очень, — тем временем скуксилась девушка.

— Может быть, правду говорят проповедники смерти, и пути Прокси неисповедимы? — не скрывая иронии, продолжил профессор.

Кейт не удержалась и фыркнула.

Алекс от неожиданности вздрогнул: зубчик вилки проколол желток, и тот начал растекаться по тарелке. Вслед за ним по телу растекалась злость. Слова, вчера принесшие ему спокойствие, были безжалостно высмеяны. Снова это чувство. Он с силой стиснул вилку.

— Или, — не унимался профессор. — В наших краях появилась благодетельница, указывающая заблудшим душам путь?

«Благодетельница» лишь бросила на Алекса короткий взгляд, но ничего не сказала.

— Может хватит уже?! — взорвался он.

Профессор удивленно поднял брови.

— Хватит? — уточнил он, склоняя голову вбок.

— Говорить так, будто вы здесь одни! — голос Алекса практически срывался на крик.

— Одни? — профессор повернул голову к помощнице. — Скажи, Катерина, разве мы здесь одни?

— Нет, профессор, — в тон ему ответила девушка.

— Не делайте вид, что вы не понимаете! — он вскочил из-за стола. Он попытался продолжить, но голос сорвался, и начало следующей фразы вышло на вдохе:

— ... приехал сюда, чтоб пройти Цикл, а не это вот все!

Вилка полетела на стол и, отскочив от него с металлическим лязгом, испачкала скатерть желтым.

Профессор медленно опустил чашку.

— Но я вас действительно не понимаю, — произнес он, чеканя каждое слово. — Вы прибыли вчера поздно вечером и легли спать. А сегодня время лекции еще не настало.

— Мы... завтракаем, — закончил профессор, обведя рукой стол.

Слова профессора подействовали на Алекса отрезвляюще. И правда — чего он так вспыхнул?

Вчерашняя усталость накатила новой волной. Сон не помог. Ему вдруг стало неловко за свое поведение. Но извинение встало в горле, отказываясь выходить. Опустив глаза, Алекс молча сел на стул, с которого в пылу успел вскочить.

— Ну вот и отлично, — тон профессора снова потеплел. — А теперь, не стесняйтесь, разделите завтрак с нами.

— ...не ем домашнюю еду, — неразборчиво пробурчал Алекс.

— Вон он, истинный последний человек, — восторженно прокомментировал профессор, обращаясь к Кейт. Та поджала губы и лишь покачала головой.

— Ты тоже была такой совсем недавно, — укоризненно произнес профессор.

— Неправда! — протестующе воскликнула Кейт.

— Правда-правда, — подтвердил профессор.

— Последний человек? — игнорируя их перепалку, переспросил Алекс. В памяти всплыл вчерашний вечер и сегодняшнее приветствие.

— Ваше любопытство похвально, молодой человек... но, боюсь, вам придется подождать до лекции, — вежливо отрезал профессор.

Через секунду на его лице снова расцвела широкая улыбка.

— Ах да, на нее не пускают голодными.

Последний кусок яичницы, увлекаемый потоком кофе, провалился в бездну желудка.

Ненасытное хтоническое божество, живущее в бездне, довольно заворчал. Жертва была принята.

Жрец божества и, по совместительству, преподаватель философии умирания, решительно встал из-за стола. Ритуал был соблюден. Движением руки призвав помощницу следовать за собой, профессор покинул кухню. Нужно было подготовить лекционный зал к таинству Цикла.

Алекс поднялся из-за стола последним. Необходимость поглощения домашней пищи он счел частью испытания. Как и финальный наказ жреца — убрать со стола следы утреннего жертвоприношения. Все это было малой платой за право Выбора.

Уже стоя в дверях, Алекс придирчиво окинул взглядом кухню — он внес ее с достоинством. Аккуратно прикрыв за собой дверь, он поспешил к двери напротив.

Цикл начался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.